К. Я. Никифоровскій.

НЕЧИСТИКИ.

СВОДЪ
простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи

сказаній о нечистой силѣ.

ВИЛЬНА,

1907.

К. Я. Никифоровскій.

НЕЧИСТИКИ.

СВОДЪ
простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи
сказаній о нечистой силѣ.

ВИЛЬНА,

1907.

Печатано по распоряженію Виленскаго, Ковенскаго и Гродненскаго Генералъ-Губернатора.

Типо-Литографія Товарищества п. ф. „Н. МАЦЪ и Ко“, Вильна.

НЕЧИСТИКИ.

СВОДЪ

простонародныхъ въ Витебской Бѣлоруссіи
СКАЗАНІЙ О НЕЧИСТОЙ СИЛѢ

Н. Я. Никифоровскій.

ВВЕДЕНІЕ.

Когда мой бѣленькій землячокъ станетъ иногда жалобиться на экономическія затрудненія, происходящія отъ „малости зе́мельки и работинки", я участливо выслушиваю его и понимаю, что недальновидный предокъ землячка, жившій, „якъ панъ каже", имѣвшій въ наличности не болѣе двухъ „блазнюковъ" да одной „утѣшницы-блазнотки" и о вящшемъ семейномъ приростѣ не помышлявшій, упускалъ изъ виду, что эта тройка дѣтворы можетъ разрастись въ довольно численное потомство, а потому, при надѣленіи землею и другой возможности увеличить земельную собственность, годилъ лишь текущимъ нуждамъ, наличной семьѣ;—понимаю и вѣрю, что со своимъ фунтовымъ топорикомъ онъ нерѣдко безплодно прошатается около разныхъ „рюмовъ", лѣсосѣчныхъ мѣстъ, гдѣ уже давнымъ-давно орудуютъ кто вѣсть откуда появившіяся десятифунтовыя сѣкиры, или со своею жиденькою „ко́скою и грабе́льками" онъ еле-еле можетъ сложить за день кое-какую „везе́ню или копёшку сѣна". Мнѣ и безъ словъ очевидна тогда „неуѣжность" землячка: объ этомъ говоритъ весь обликъ его—вялый, подавленный, безъ порывовъ къ веселости. Станетъ землячекъ повѣствовать о разныхъ прижимкахъ, трудныхъ временахъ,

о семейной и сосѣдской неурядицѣ—я опять же на его сторонѣ, потому что воочію вижу, какъ его притѣсняетъ міръ, обижаютъ сосѣди, какъ ворчатъ и грызутся семейныя бабы, выходятъ изъ повиновенія родныя дѣти: вмѣстѣ съ землячкомъ я скорблю по поводу сложившагося нестроенія и, если не могу облегчить послѣдняго матеріально, такъ не отказываюсь отъ подачи нравственной поддержки.

Когда же, угнетенный набѣжавшею остротою положенія, землячокъ заключитъ свою повѣсть пословичнымъ возгласомъ— „живали дяды́, ни видали бяды́"—и тутъ же доскажетъ, что „унукамъ досталася уся мука", я невольно начинаю колебаться и—грѣшенъ!—заподазриваю землячка въ прилыгиваніи, хотя и знаю, что не онъ первый и не онъ послѣдній готовъ считать личныя бѣды за настоящія, готовъ видѣть больше хорошаго въ прошедшемъ. Мнѣ почему-то рисуется тогда жизнь сначала незапамятнаго дѣда: вотъ онъ окруженъ страшилищами животнаго міра, съ которыми принужденъ бороться за существованіе, оспаривать пядь земли, глотокъ пищи; вотъ онъ, слабый владыка міра, ежечасно принужденъ трепетать за личное и своей семьи бытіе, потому что не знающій гражданскихъ правъ, но алчный сосѣдъ, того и жди, нападетъ, побьетъ, разоритъ, поработитъ. И мечется этотъ дѣдъ туда и сюда: укрывается въ лѣсныя чащи, въ дупла вѣковыхъ деревъ, въ горныя пещеры, на свайныя сооруженія, во всѣхъ сихъ мѣстахъ переживая климатическія нестроенія. Даже и тогда, когда окаянная жизнь его нѣсколько преобразилась, подпавъ подъ охрану не родовую, вѣчевую, областную только, но и княжью, когда онъ научился противостоять супостатскому разоренію, эта жизнь все-же не была въ достаточной мѣрѣ обезпечена отъ случайностей: чужеземные „вояки́" могутъ внезапно набѣжать, пограбить или пожечь скопленное добро,—полонить, побить, разоромъ пройти по насиженному мѣсту, остановить обычное теченіе жизни.

Вслѣдъ за симъ передо мною воскресаетъ жизнь и дѣда историческаго, того именно, которому пословично завидуетъ

внукъ. Очень можетъ быть, что сей дѣдъ лично не переносилъ ни шведскихъ, ни ляшскихъ разорительныхъ находовъ; зато до конца дней своихъ онъ помнилъ „рубанйну, или руину“, помнилъ двѣ „бунтонины, Савастоплю“, грозную рекрутчину, многократныя голодовки, опустошительные „болѣзные годы“ и, въ особенности—страшную „панщину“. Все это прошло разоромъ по дѣдовской жизни, лично имъ и его присными перенесено, пережито; но все это совершенно невѣдомо завидливому внуку, при немъ перешло въ область преданій, гдѣ отдѣльныя событія представляются уже смутными, неузнаваемыми. Такъ, завидливый внукъ удостовѣряетъ, будто вотъ тѣ высокія насыпи есть „швецкія“ могилы и тутъ же, благодаря фальшивой филологіи, поясняетъ: въ давніе годы живали „швéцы“ (портные); они прославились мастерствомъ,—за чтó и удостоены почетнаго погребенія... Нѣчто подобное и о галлахъ съ двунадесятью языками, почему-то смѣшиваемыхъ съ галками (птицами)—какими-то выродками пернатаго царства, когда то налетѣвшими изъ отдаленныхъ краевъ на пагубу и разореніе нашей родины. Что же касается „руины и Савастопли“, то памятованіе о нихъ сливается съ понятіемъ о „храньцахъ“—органическомъ недугѣ, каковая немочь успѣшно вылѣчивается докторами и въ больницахъ... Несомнѣнно, что и ближайшія къ внуку событія изъ жизни дѣда съ теченіемъ времени закроются чѣмъ-нибудь смутнымъ и, если онъ не даетъ имъ фальшиваго толкованія, такъ наполовину скраситъ жизненную ихъ правдивость.

Опираясь на тѣ или другія данныя, можно, кажется, подвести приблизительные итоги траты и разора отъ указанныхъ матеріальныхъ нестроеній, можно опредѣлить границы ихъ, какъ и средства огражденія. Набѣжали шведы, ляхи, галлы, появились мятежники—побили они, пограбили, полонили, да и „замирились“—жизнь снова потекла обычнымъ путемъ; выдался болѣзный или голодушный годъ, потомилъ онъ современниковъ да и миновался—опять потекла прежняя жизнь; отбылъ дѣдъ панщину, ушелъ отъ несносной пригонной неволи, или припря-

тался на время отъ рекрутчины—все же у него не потеряна надежда возвратиться къ семьѣ, къ продолженію остановленной жизни. Потужитъ онъ по поводу происшедшаго, поправитъ дѣло по мѣрѣ обстоятельствъ и разумѣнія, поблагодаритъ судьбу за сохраненіе драгоцѣннаго дара—жизни и подспорныхъ при ней рукъ, и съ ними снова примется за прерванныя дѣла, какъ та Божья пчелка, у которой только-что разорили восковыя сооруженія, пограбили плоды долгихъ трудовъ.

А вотъ, куда ему бывало дѣваться, какъ противодѣйствовать безчисленнымъ незримымъ врагамъ, какъ поправлять учиняемыя ими траты? Не уйти бывало ему отъ этихъ враговъ ни въ чащи, ни въ дупла, ни въ пещеры, ни на сваи, не противопоставить имъ матеріальной силы: съ быстротою мысли враги окружали безпомощника, пробирались чрезъ высокія и крѣпкія стѣны, такія же ворота, башенныя и горныя выси, умѣя обходить все, чѣмъ противоборствовалъ слабый умъ человѣка. Правда, не полонятъ эти враги матеріально, зато опутаютъ незримыми сѣтями, изъ которыхъ жертвѣ не выбраться собственными силами; не пограбятъ—зато настроятъ множество преградъ къ притоку въ домъ добра; не побьютъ—зато медленно изведутъ. При всемъ этомъ въ страданіяхъ жертвы они постараются съ злорадствомъ видѣть свою побѣду, праздновать начало торжества. И какъ много этихъ враговъ, какъ обильны притонныя ихъ мѣста! Нескончаемые дремучіе лѣса, „долгія нивы и поля“, воды въ-рѣзъ-край береговъ, необозримыя болотины, овражныя пропасти, горныя выси—сколько тутъ простора незримому врагу! А между тѣмъ волей-неволей давній человѣкъ принужденъ былъ вѣдаться съ такими мѣстами, идти, такъ сказать, въ руки враговъ. Если же онъ изловчался уходить отъ нихъ въ столь пагубныхъ мѣстахъ, то можно ли было ручаться за безопасность въ собственномъ домѣ, вокругъ да около него?

Протекли многія десятилѣтія, въ теченіе которыхъ одни дѣды смѣнились другими: топоръ да пила скосили дремучіе лѣса, или разрѣдили лѣсныя пространства—и въ нихъ все слабѣе

и слабѣе стали раздаваться вражескіе переклики, пропало здѣсь давнее приволье, позволявшее врагу ходить по-на-лѣсью, а внизу, у ногъ своихъ, заваживать жертву до потери силъ, до смерти; старинныя „долгія нивы“ измельчали, превратились въ пашенные „шнуры“ шириною не болѣе простой бороны, или въ прыжокъ дюжаго молодца, а „долгія поля“ застроились усадьбами такъ густо, что жильцы, пожалуй, свободно могутъ переговариваться со своихъ дворовъ, или же эти поля прорѣзались сохами, вслѣдъ за которыми и посыпаются благословеннымъ зерномъ, это же послѣднее вручается полю и отбирается отъ него то съ молитвенными, то съ пѣсенными возгласами мирныхъ людей; изъ пустынныхъ когда-то водъ почти не выходитъ неводъ корыстолюбивыхъ рыболововъ, уже не первый десятокъ лѣтъ сѣтующихъ на обмелѣніе этихъ водъ и бѣдную поимку рыбы; сродное корыстолюбіе прорѣзало каналами грозныя болотины, превративъ ихъ въ пашни и луга, даже поселки, съ которыхъ, въ свою очередь, уже раздаются мирные людскіе возгласы, при мирномъ веденіи житейскихъ дѣлъ; чрезъ овражныя пропасти перетянулись полотна подъ шоссе и рельсы, повисли мосты, и по нимъ ежедневно движутся туда и сюда сотни людей, безстрашно тащатся предметы ихъ обиходности, перемѣщаются плоды промышленной и торговой наживы; что же касается горныхъ высей, то одна часть ихъ срѣзана дорожниками, при проведеніи полотна, или для той же цѣли просверлена насквозь, а другая густо окружена людскими поселеніями, вдоль и поперекъ протоптана безстрашными прохожими—и отсюда уже раздадутся развѣ призывные, распорядительные людскіе голоса, веселыя пѣсни молодежи... Въ всемъ этомъ ярко свѣтится пріобрѣтенное умѣнье не только не страшиться незримаго врага, выживать его изъ насиженныхъ мѣстъ, но и губить его окончательно, или же устраиваться такъ, чтобы съ презрѣніемъ смотрѣть на козни и навѣты того же врага.

Пересиливъ исконнаго врага, смѣлый внукъ уже не страшится подлиннаго вражескаго имени, а произноситъ таковое и

въ дѣловой рѣчи, и въ шутливой бесѣдѣ, и въ брани, вовсе не желая знать, прибудетъ, или не прибудетъ врагъ на зовъ, не страшась и послѣдствій незримаго прибытія его,—что́ такъ непохоже на положеніе дѣдовъ. Бѣдняги по скорбному опыту знали, что „бѣсъ легокъ на поминъ“, не заставитъ призывать себя вторично, и что „съ чертомъ—не съ своимъ братомъ“, а потому всемѣрно обходили даже думу о немъ („задумалъ мужикъ брагу варить, а уже чертъ съ чаркой стоитъ“,—помнилось имъ), открещивались и отплевывались при чужомъ или собственномъ поминѣ чертовскаго имени, при выслушиваніи повѣсти о бѣсовствѣ, а при крупной необходимости чертыхнуть, взамѣнъ подлинныхъ бѣсовскихъ именъ, употребляли иносказанія: „ёнъ, той-самый, е́тый-што, пога́никъ, проклятикъ, рогатикъ, красавецъ хвостатый“ и проч. Если же такъ осторожно произносилось одно имя незримаго врага изъ опасенія, что онъ немедленно прибудетъ на зовъ и бѣдъ надѣлаетъ, то каково приходилось старикамъ, когда тотъ же врагъ незримо или о́бразно приставалъ къ нимъ, становился поперекъ ихъ дѣлъ и намѣреній, и когда необходимо было ограждать себя всюду и всегда?!...

Но тутъ лучше всего прослушать дѣдовскую повѣсть о сихъ врагахъ, составленную изъ сказаній о нечистой силѣ. Преемственною передачею отъ дѣдовъ и отцовъ эта повѣсть сообщалась дѣтямъ и внукамъ, принималась сими послѣдними на вѣру, какъ выходящая изъ авторитетныхъ устъ старшихъ, какъ наука и предупрежденіе младшимъ. Стоя отдѣльно отъ библейскихъ и вообще религіозныхъ сказаній, предлагаемая повѣсть сложена изъ сводныхъ сказаній простонародья о нечистикахъ и передаетъ типичныя особенности разнообразныхъ представителей—внѣшній и внутренній складъ, образъ жизни, странности и привычки, отношеніе къ людямъ и собратьямъ, родъ дѣятельности, мѣсто и время послѣдней, при чемъ она даетъ разграниченіе нечистиковъ по тремъ категоріямъ. Къ первой отнесены повсюдные, вольные нечистики, ко второй—человѣкоподобники, прикованные дѣятельностью къ опредѣленному мѣсту, и къ третьей—демоно-

подобники. Предварительно же повѣсти о каждомъ нечистикѣ порознь слѣдуетъ общее сказаніе о нихъ, суммирующее простонародныя свѣдѣнія о нечистой силѣ.

Передавая исключительно устныя простонародныя сказанія о нечистикахъ, состоя въ связи съ данными „Примѣтъ и повѣрій" (Витебскъ, 1897 г.), повѣсть не вторитъ сихъ данныхъ и только въ немногихъ случаяхъ ограничивается легкимъ поминомъ о нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ существенныхъ дополненіяхъ къ повѣсти. Благодаря же своему характеру (сводъ сказаній), она лишена топографическихъ показателей, которыми остается считать всю область не разъ упомянутой Витебской Бѣлоруссіи.

5 мая 1898 года.
Витебскъ.

А. Общее о нечистикахъ.

Измельчавшій нынѣ будничный возгласъ: „одно слово—бѣсъ!“ суммируетъ дѣянія и особенности нечистой силы, по своему свойству, носящія отрицательную окраску. Совмѣщающій въ себѣ источникъ зла, сѣятель его въ мірѣ, завистникъ добра, есть существо, первымъ понесшее Божественное отверженіе и проклятіе: съ тѣхъ поръ это существо, „исчадье грязи и огня“, окруженное „смѣшеніемъ дня со тьмою“, уже не знаетъ добра, не стремится къ нему, а гдѣ и какъ можетъ, останавливаетъ и стороннее къ нему теченіе. Извращенность натуры, личное ослѣпленіе, или же нравственное рабство, могутъ, пожалуй, заставить иныхъ людей видѣть въ бѣсовскихъ дѣяніяхъ выраженіе добра, теченіе къ нему; но если вѣрно, что и людское добродѣяніе, съ его чистымъ источникомъ, забывается скорѣе злодѣянія, такъ-какъ оно не призываетъ къ борьбѣ и дается легче, чѣмъ побѣда и торжество надъ послѣднимъ, то и бѣсовское добродѣяніе, непродолжительное, непрочное въ силу отрицательныхъ свойствъ своихъ, помнится еще меньше. Остаются незабываемыми только чистыя дѣянія бѣсовской силы, какъ вызывающія борьбу и страданія, а потому эти дѣянія знакомѣе дѣяній противоположнаго строя.

Какъ духи, нечистики не подлежатъ пріуроченію къ мѣсту, неуловимы для матеріальнаго измѣренія и описанія. Если человѣческія свѣдѣнія о нихъ не лишены кажущейся полноты, то не слѣдуетъ забывать, что такія свѣдѣнія основаны на незримомъ

воздѣйствіи бѣсовской силы и лишь—на мимолетныхъ воплощеніяхъ нечистиковъ, кстати, неустойчивыхъ въ срокѣ и проявленіи матеріальнаго образа. Чтó на предметъ демоновѣдѣнія достигнуто доселѣ изъ разбросанныхъ свѣдѣній о нечистикахъ, тó едва ли можетъ быть пополнено впредь, тѣмъ болѣе, что, при возрастающемъ людскомъ желаніи постигнуть тайну бѣсовскаго бытія, нечистики принуждены укрывать эту тайну, дабы оставаться неуловимыми попрежнему. Такимъ образомъ послѣдующая повѣсть о нечистикахъ слагается изъ разъединенныхъ свѣдѣній о нихъ, скопленныхъ раньше и воспринятыхъ по указанному выше преемству.

Прежде всего въ нечистикахъ недостаетъ не только вездѣсущія, но и *одновременнаго пребыванія* въ двухъ пунктахъ, удаленныхъ другъ отъ друга на девять шаговъ. Если нечистикъ появляется тамъ и здѣсь, въ разъединенныхъ мѣстахъ, то въ семъ сказывается лишь духотворческая способность къ болѣе быстрому, чѣмъ мгновеніе ока, перемѣщенію, которое одинаково продолжительно и на трехъ шагахъ, и на трехъ тысячахъ верстъ, и только перемѣщеніе на востокъ, да отчасти на югъ, проходитъ медленнѣе, собственно потому, что нечистикъ не можетъ смотрѣть въ лицо поднимающемуся солнцу. Одна мысль можетъ нѣсколько опережать указанное перемѣщеніе, не измѣняющееся и въ томъ случаѣ, когда нечистикъ движется съ невещественнымъ предметомъ, какъ, напр., грѣшною душою. Въ остальныхъ случаяхъ быстрота перемѣщенія зависитъ отъ принятаго нечистикомъ образа и отъ особенностей матеріальной ноши: уже неодушевленные предметы значительно теряютъ свой видъ и свойства при быстромъ перемѣщеніи, а живыя, тѣлесныя существа, разумѣется, не выдерживаютъ его.

Преимущественный путь перемѣщенія есть воздушный и надъ водою, потому что здѣсь нечистикъ не можетъ натолкнуться на какой-нибудь освященный предметъ,—что, какъ извѣстно, причиняетъ непонятную при людскихъ страданіяхъ боль, далеко превосходящую обжогъ пламенемъ, каплею кипящей смолы, сѣр-

ной кислоты и проч. По той же причинѣ земныя перемѣщенія нечистиковъ медленнѣе воздушныхъ.

Среди множества мѣстъ на землѣ, какъ и въ близкомъ къ ней воздушномъ пространствѣ, нечистики не останавливаются на льнищѣ, коноплянникѣ и на пшеничной полосѣ: на первыхъ двухъ вырастаютъ предметы, производящіе масло—приправу къ постнымъ кушаньямъ и за нужду идущее на освѣтительныя надобности, а на второмъ—матеріалъ для изготовленія просфоръ. Кромѣ того нечистики избѣгаютъ водовмѣстилищъ, гдѣ недавно освящена вода, стоятъ вербы, съ которыхъ отламывались вѣтки для освященія,—остатковъ, даже сродичей травы и цвѣтовъ, освященныхъ въ Ивановъ день, пока сродичи не будутъ побиты морозомъ, хотя и безнаказанно проносятся надъ всѣми этими предметами въ высотѣ, гдѣ не достаетъ ружейная пуля. Совершенно другое, когда попутно расположена церковь, каплица, „Божья нива“ (кладбище), придорожный, или полевой крестъ, или-же движется процессія: не только проноситься надъ ними, но и переступать пограничной черты ни на какой высотѣ нельзя—и нечистики неизбѣжно должны дѣлать обходные крюки. Если въ сихъ мѣстахъ ютится подходящая жертва, то на нее приходится оказывать воздѣйствіе издали,—что теряетъ долю преуспѣянія. Кстати дополнить, что, какъ здѣсь, такъ и при другихъ случаяхъ, нечистики подступаютъ къ жертвѣ и помѣщаются при ней съ сѣверной стороны; въ ту же сторону они отступаютъ прочь. Исключеніемъ можно считать развѣ лицъ, ходящихъ по богомольнымъ мѣстамъ: нечистики подступаютъ къ такимъ лицамъ съ произвольной стороны; не касаясь жертвы, кружатся около нея, точно нитка при наматываніи на клубокъ, и этимъ движеніемъ незримо опутываютъ ее, до тѣхъ поръ, пока жертва самолично не осквернитъ предметовъ, вынесенныхъ изъ богомольныхъ мѣстъ, и тѣмъ не обезвредитъ доступа къ себѣ нечистиковъ. Разъ это достигнуто—начинается полная гибель жертвы, которая уже опутывается вперекрестную.

По другимъ сказаніямъ, нечистики не только входятъ въ

упомянутыя мѣста, но даже уносятъ отсюда нѣкоторые освященные предметы, для помѣщенія ихъ въ домѣ своего ненавистника, когда необходимо опозорить его въ святотатствѣ. Ради послѣдней службы имѣются óсоби, продолжительнымъ сношеніемъ съ людьми значительно омірянившіяся, понесшія на себѣ не одну бѣсовскую, какъ и людскую кару, и, какъ видно будетъ ниже, исполняющія въ бѣсовскомъ мірѣ роль палачей при расправахъ съ нечистиками. Но при такомъ случаѣ нечистики пользуются не обычными людскими входами, чрезъ которые возможно перенесеніе святыни, а щелями, отверстіями и скважинами, соблюдая неизмѣнный бѣсовскій пріемъ—выйти тѣмъ же путемъ, какимъ вошелъ.

У нечистиковъ *нѣтъ всевѣдѣнія*, которое замѣняется у нихъ высшею степенью прозорливости, глубокимъ и всестороннимъ знаніемъ человѣческой натуры. Но и о прозорливости нечистиковъ передается не мало преувеличеннаго, при чемъ существенною ошибкою нужно считать увѣреніе, будто они предвидятъ мысли и дѣянія людскія изъ какой угодно дали; если же нечистикъ во время и кстати попадаетъ къ худой мысли и дѣянію, такъ единственно благодаря бѣсовской юркости, метанію съ мѣста на мѣсто, выраженному словами текста: „искій кого поглотити“. Становясь лицомъ къ лицу съ подходящею жертвою, читая въ мелочахъ ея прошедшее и настоящее, нечистикъ не можетъ основательно заглянуть въ ея будущее, предрѣшить исхода своихъ по отношенію къ ней дѣяній. Послѣдствіемъ сего бываетъ далеко не единичный просакъ, при чемъ нечистикъ позволяетъ перехитрить себя весьма заурядному проходимцу изъ людей. Да будь иначе, не существовало бы оплошныхъ нечистиковъ, какъ извѣстно, подвергающихся сатанинскимъ расправамъ, не было бы и частой гибели или увѣчья óсобей, про что такъ много повѣствуется въ сказаніяхъ о бѣсовской силѣ; не было бы и спасающихся отъ бѣсовскихъ навожденій, которымъ, сверхъ противопоставленія сторонней помощи, личной воли жертвы, много помогаетъ именно недостаточная прозорливость нечистиковъ.

Утверждаютъ, что „одинъ бѣсъ стóитъ легіона самыхъ ядовитыхъ змѣй“. Казалось бы, что для исполненія бѣсовскихъ обязанностей такой мощи достаточно, и съ нею можно вести крупныя сатанинскія дѣла. На самомъ дѣлѣ бѣсовское *могущество и ловкость не такъ велики*,—что познается изъ дѣлъ ихъ и, особенно, изъ дѣлъ бѣсовскихъ ставленниковъ—вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, изъ которыхъ одни слабѣе, другіе сильнѣе прочихъ, смотря по тому, отъ какого бѣса воспринята ставленникомъ демоническая наука: старъ и многоопытенъ руководитель—онъ воспитаетъ достойнаго ставленника, и наоборотъ. Посему бѣсовскій скопъ не всегда полагается на единоличную дѣятельность даже испытаннаго товарища своего, а учреждаетъ сотрудника—шпіона, если только не найдется доброохочаго на сей предметъ помощника. Правда, въ семъ послѣднемъ можетъ быть и настоятельная надобность, ввиду сопротивленія жертвы, особенной цѣнности ея; но дѣйствующій и его приставникъ достаточно знаютъ роли другъ друга и не тяготятся контролемъ. Извѣстно, напр., что въ качествѣ неослабнаго блюстителя за жизнью и поведеніемъ отдѣльнаго человѣка при послѣднемъ состоитъ приставникъ, демоническій хранитель; но тутъ же, помимо случайныхъ искателей приключеній, въ любой срокъ шпіонитъ другой приставникъ, одинаково слѣдящій и за собратомъ, и за человѣкомъ, въ свою очередь, вредя послѣднему. Въ отдѣльныхъ случаяхъ бѣсовскій контролеръ обзаводится по сосѣдству усадьбою, строится, хозяйничаетъ, подобно человѣку. Какое жалкое, непутевое хозяйство! На поверхностный взглядъ оно богато и возбуждаетъ зависть; но образъ и плоды его вредоносны на далекую окружницу, губятъ и соприкасающееся съ нимъ, настоящее матеріальное довольство. Впрочемъ, въ семъ случаѣ контролеръ весьма скоро начинаетъ скучать за святымъ людскимъ занятіемъ—и въ одно прекрасное утро на мѣстѣ роскошной вчера усадьбы окрестное населеніе видитъ пустырь, поросшій недоброкачественною травою; это значитъ—нечистикъ сбѣжалъ.

Пока бѣсъ не принялъ вещественнаго обряда, незримое

присутствіе его дается лишь демоноподобникамъ; остальными людьми оно опредѣляется по слѣдующимъ приблизительнымъ даннымъ: у человѣка внезапно пропадаетъ молитвенное настроеніе, а начатая молитва не выливается изъ устъ, слова ея путаются, вокругъ слышится особенный звукъ—смѣшеніе вопля, стона и свиста; какъ и при воплощеніи, обоняется ни съ чѣмъ земнымъ несравнимый запахъ не то больного пота, не то смрада отъ начавшагося разлагаться трупа, и этого запаха нельзя назвать особенно приторнымъ, хотя въ немъ нѣтъ и ласкающаго; наиболѣе чистыя животныя поднимаютъ безпричинную тревогу, при которой движенія однихъ становятся неожиданно грознѣе, другихъ—ласковѣе; наконецъ, и всѣ ближайшіе предметы мгновенно пріобрѣтаютъ несродную окраску, мелькаютъ передъ глазами. Правда, все это, особенно—послѣднее, бываетъ и при появленіи воплощеннаго бѣса, только видится оно слабѣе, такъ какъ представшій нечистикъ сосредоточиваетъ вниманіе уже на себѣ.

Останавливаясь на бѣсовскомъ *воплощеніи*, т. е. принятіи матеріальнаго вида, прежде всего приходится напомнить, что, какъ нѣтъ въ мірѣ безусловныхъ двойниковъ, такъ нѣтъ и двухъ тождественныхъ воплощеній одного и того же бѣса: пусть онъ появляется передъ человѣкомъ десятки разъ какою-нибудь кошкою, послѣдняя каждый разъ будетъ имѣть видимыя уклоненія отъ предыдущихъ ббразовъ, а скрытыя—и подавно; только демоноподобники видятъ относительную устойчивость бѣсовскаго воплощенія. Вслѣдъ затѣмъ приходится напомнить, что трудно подыскать такіе земные предметы, ббраза которыхъ не въ состояніи былъ бы принять воплощающійся бѣсъ. Такъ, воплощаясь въ человѣкоподобное существо, онъ предстаетъ въ видѣ профессіональнаго лица, начиная отъ аскета и кончая новорожденнымъ младенцемъ,—предстаетъ давно умершимъ родственникомъ, обольстительнымъ красавцемъ, красавицею, щедрымъ богачомъ, приниженнымъ нищенкою, смотря по бѣсовской надобности, или по думѣ и мечтѣ человѣка. Когда бѣсъ воплотился въ животное, таковое предстаетъ то грознымъ звѣремъ, то ласковою птицею,

то рыбою, или безразличнымъ насѣкомымъ,—опять же примѣнительно къ бѣсовской надобности, по думѣ и мечтѣ человѣка. Блуждающіе огоньки, деревья, кусты, отдѣльныя былинки, камни, водовмѣстилища, водяныя капли, мелкія соринки и другіе неодушевленные предметы, въ свою очередь, служатъ объектами бѣсовскаго воплощенія, при чемъ, подобно тому, какъ воплотившійся бѣсъ не можетъ удалить типичныхъ особенностей бѣсовства (рога, хвостъ, клыки, когти, копыта), точно такъ же онъ не можетъ перемѣнить сущности неодушевленныхъ предметовъ, въ которые вошелъ: дерево, камень, вода остаются съ присущими имъ особенностями, и только бѣсовскій „чмуръ" можетъ, напр., казать воду за камень,—что составляетъ лишь оптическій обманъ.

Какъ ни опредѣленны предметы при ростовомъ ихъ измѣреніи, но если въ нихъ воплотился нечистикъ, измѣреніе теряетъ устои: сію минуту они были данной величины, а при повторительномъ измѣреніи величина или уменьшилась, или возвысилась. Кромѣ того, одинъ и тотъ же предметъ кажетъ великана, посредственность и минимальный образъ свой: первостепенная мачта, умаляясь, моментально достигаетъ объема волоса, и наоборотъ.

Но увеличится ли óбразный предметъ до исполинской неузнаваемости, уменьшится ли онъ до потери вида, воплотившемуся бѣсу никогда не удается скрыть своихъ каинскихъ знаковъ—роговъ, хвоста, клыковъ, когтей, копытъ. Эти неумолимые знаки высовываются изъ-подъ дорогого цилиндра, роскошной шинели, густыхъ усовъ и бакенбардъ, нѣжныхъ перчатокъ и обуви, такъ же, какъ моментально вѣнчаютъ ничтожный волосной остатокъ, если только имъ сталъ нечистикъ. Кромѣ того, при человѣкоподобномъ, напр., воплощеніи, ему не удается скрыть и второстепенныхъ особенностей своего существа—темноты кожи, нестройности формъ, при чемъ на спинѣ, икрахъ и предплечіяхъ не будетъ мышцъ; не удается скрыть короткой свиноподобной, рѣдкой шерсти, крючковатаго носа, черныхъ съ фосфо-

рическимъ блескомъ глазъ, выпяченнаго впередъ подбородка, на которомъ уродливо торчитъ черная бороденка; наконецъ, не удается скрыть особенныхъ, какъ у летучей мыши, когтей на локтяхъ и колѣняхъ. Становясь скотоподобникомъ, бѣсъ снова не улаживается съ типичными уклоненіями: свинья напр., получаетъ собачьи, или куриныя ноги, козьи рога, морду бегемота, лошадиную гриву; козелъ—собачьи когти, кошачьи усы, коровій хвостъ, съ пучкомъ волосъ на концѣ. Въ концѣ концовъ воплощенному бѣсу ничѣмъ нельзя удалить несноснаго одуряющаго запаха, которой выходитъ у него одинаково и изо рта человѣка, и изъ пасти животнаго, и изъ клюва птицы.

Разумѣется, что нечистикъ немедленно узнается демоноподобниками; во всякомъ образѣ ошибаться, и то въ первое мгновеніе, могутъ развѣ престарѣлыя особи. Но если бы и заурядный человѣкъ внимательнѣе присмотрѣлся къ воплощеннику, то и онъ весьма скоро распозналъ бы нечистика; къ сожалѣнію, такой бѣсъ неожиданнымъ появленіемъ, а въ особенности—подпущеннымъ „чмуромъ" отвлекаетъ вниманіе отъ присущихъ ему особенностей—и заблужденіе раскрывается нѣсколько позже, когда бѣсъ достигнулъ намѣченной цѣли. Изъ многочисленныхъ сказаній объ этомъ стоитъ припомнить, какъ, напр., проданная на базарѣ овца встрѣтилась съ возвращающимся домой хозяиномъ, жалобно заблеяла и была обласкана, но тутъ же она адски захохотала и скрылась;—какъ борзая собака, приласканная недальновиднымъ встрѣчникомъ, укусила и лягнула послѣдняго, при чемъ, вмѣсто лапъ, онъ увидѣлъ копыта;—какъ нѣчто сродное повторилось съ найденными на дорогѣ козленкомъ, черною курицею, или клубкомъ нитокъ: козленокъ запѣлъ пѣтухомъ, курица заржала по-лошадиному, а клубокъ выпалъ изъ кармана—и всѣ они съ несродными звуками, дикимъ хохотомъ бросились прочь отъ находчика.

Хотя нечистикамъ и выгоднѣе воплощаться одушевленными предметами, чѣмъ неодушевленными, однако, въ первомъ случаѣ, они подвергаются опасности, а именно: къ воплощеннику легко

можетъ подкрасться волкъ и безнаказанно сожрать его—погубить навсегда. Но есть животныя, которыми никогда не воплощаются нечистики: это—коровы, овцы, пѣтухи, дикіе и домашніе голуби и пѣвчія птички, за исключеніемъ иволги. Изъ растительныхъ предметовъ они не воплощаются въ вербы и въ такія травы данной мѣстности, которыя подлежали освященію.

Когда нечистикъ воплотился въ одушевленный предметъ, то и скорость перемѣщенія его будетъ приближаться къ наивысшей скорости движенія этого существа. Такъ, онъ бѣжитъ съ быстротою волка, лисицы, зайца, летитъ плавнымъ полетомъ журавля, нырками вороны, или плетется тихоходнымъ движеніемъ лягушки, улитки, гусеницы. Въ свою очередь, скорость передвиженія пушинки, соринки, листка, водяного пузыря, плывущей щепочки, въ кои преобразился нечистикъ, зависитъ отъ стихійнаго воздѣйствія на эти предметы, но не отъ воли воплощенника, который можетъ вызвать развѣ высшую степень стихійнаго воздѣйствія. Вообще же нечистики прибѣгаютъ къ принятію матеріальнаго вида несовсѣмъ охотно, по необходимости, и въ большинствѣ обращаются въ летающіе предметы: всякое воплощеніе вызываетъ мгновенное, правда, но мучительное для бѣсовскаго существа напряженіе силъ, приравниваемое къ животной линькѣ, родильному процессу; если же нечистикъ принужденъ выдержать безостановочно нѣсколько воплощеній сряду, то онъ начинаетъ уже чувствовать изнеможеніе, мгновенно пропадающее послѣ превращеній. Тогда, какъ бы для отдыха, нечистикъ присѣдаетъ на движущійся предметъ: послѣдній сразу же пріобрѣтаетъ удвоенную скорость, при чемъ живой предметъ надрываетъ силы, неодушевленный обязательно попадаетъ въ непотребное мѣсто—оба такъ или иначе гибнутъ.

Какъ ни способствуетъ человѣческой гибели присѣсть нечистика на нѣкоторые предметы, но если они прямо или косвенно, быть можетъ, и въ отдаленное время знаменовались крестомъ, окроплялись освященною водою, нечистикъ не присядетъ на такой предметъ. Казалось бы, что базарный хлѣбъ,

мясо и другіе предметы потребленія, полученные изъ рукъ некрещенниковъ, какъ и сомнительныхъ христіанъ—вполнѣ удобные проводники нечистиковъ внутрь человѣка. Но вѣдь извѣстно, что зерно, напр., давшее муку для такого хлѣба, въ своэ время освящалось, знаменалось крестомъ при засѣвѣ, молотьбѣ, отпускѣ на продажу; то же своевременно выдерживало и животное, мясо котораго пріобрѣтено отъ некрещенника: при рожденіи оно посыпалось освященною солью, знаменалось крестомъ, окроплялось освященною водою, обжигалось громничною свѣчою, хлесталось вербою, благословлялось при отпускѣ на продажу. Всевозможные плоды, садовые и огородные, есть произведенія предметовъ, при посадкѣ или посѣвѣ которыхъ опять же положено было крестное знаменіе.

Принимая человѣкоподобный образъ, нечистикъ носитъ одежду нѣмецкаго покроя—тѣсную курточку, узкіе панталоны, башмаки съ высокими каблуками и обязательно—шляпу. Послѣдняя можетъ укрывать обликъ нечистика. Когда то́ нужно, онъ облачается въ заурядную крестьянскую или мѣщанскую одежду, но, за исключеніемъ воплощенія въ женщину, нечистикъ никогда не одѣвается въ женскія одежды, какъ не любитъ сатанить и самой женщины: можно утверждать, что изъ любой супружеской четы бѣсъ предпочтетъ изведеніе мужа, вслѣдъ за которымъ жена придетъ сама собою къ предначертанной гибели.

Бѣсовское воздѣйствіе на человѣка совершается разнообразными путями, при всякомъ скользкомъ положеніи жертвы: мелькнетъ недостойная дума, налетитъ такое же желаніе—бѣсъ у жертвы (неизмѣнно съ лѣвой стороны), вторитъ мысль и желаніе, развиваетъ таковыя, рисуетъ заманчивое продолженіе и конецъ ихъ. Такое воздѣйствіе, съ присоединеніемъ „чмура“, извѣстно подъ именемъ *навожденія*, которые кстати, сильнѣе отъ полдня до полночи, почему и самое время это можно считать бѣсовскимъ хозяйничаньемъ. По наслѣдству, отъ рожденія, некрещенники считаются неотъемлемыми жертвами нечистиковъ, при чемъ самыя добродѣтельныя движенія ихъ ничутъ не сму-

щаютъ „стражей зла“, и только тогда привлекаютъ бѣсовское вниманіе, когда клонятся къ выходу изъ нехристей. Одолѣла преграды личная воля некрещенника, подоспѣла помощь извнѣ и онъ ушелъ отъ враговъ—измѣннику мститъ цѣлый бѣсовскій скопъ, и рѣдко случается, что онъ не доводитъ жертвы до гибели, а себѣ не доставитъ сугубаго торжества.

Такимъ образомъ бѣсовская дѣятельность существенно направляется противъ преемственныхъ христіанъ („кристянъ“). Уже утробное дитя—не безъ вниманія „стражей зла“; это вниманіе усиливается съ момента появленія его на свѣтъ, растетъ до окрещенія, нѣсколько ослабѣваетъ во дни младенчества, снова растетъ параллельно росту дѣтскаго кругозора, доходитъ до высшаго напряженія въ пору юности и слабѣетъ съ оформленіемъ душевнаго склада—съ образованіемъ характера, если только послѣдній сложился въ неблагопріятную для бѣсовства сторону. Хотя бѣсовская догма и призываетъ къ возможно большей погибели человѣческихъ душъ, однако, бѣсы менѣе гоняются за скудоумниками, подростками,—за что и почетъ не великъ,—а всѣ усилія направляютъ на зрѣлаго человѣка, на зрѣлый характеръ. Тутъ прежде всего, дѣлаются навожденія, а потомъ и подшучиванья бѣсовъ.

Навожденіе на грѣховные помыслы и дѣянія происходитъ двояко: путемъ незримыхъ навѣтовъ (нашептываній) и путемъ подставленія чувственныхъ предметовъ, для чего бѣсы пользуются подходящею почвою—физическимъ изнеможеніемъ, скуднымъ, запутаннымъ матеріальнымъ положеніемъ, невзгодами общественнаго и семейнаго положенія жертвы, страстями ея, между которыми наиболѣе удобною слѣдуетъ считать притяженіе къ рюмкѣ. Находясь въ состояніи навожденія, жертва видитъ и чинитъ буквально несообразности: разговариваетъ и бранится съ мнимымъ знакомымъ, давнимъ покойникомъ, отсутствующимъ семьяниномъ; ходитъ по полю и собираетъ ни къ чему непригодные каешки, хворостинки; подпираетъ дерево, или стѣну, точно хочетъ поддержать накренившійся возъ; подпрыгиваетъ по

воробьиному, считая себя воробьемъ, или поетъ пѣтухомъ, кудахчетъ курицею, гогочетъ и ржетъ по-лошадиному, реветъ, хрюкаетъ, лаетъ и проч., или скачетъ по болотинѣ и квакаетъ; въ стужу раздѣвается донага, лѣзетъ на первый возвышенный предметъ, какъ на банный полокъ, и тамъ хлещется рукавицею, или, точно въ лѣтнюю воду, мечется въ полынью, плаваетъ по сугробу; садится на бревно, встрѣчное полѣно и галопируетъ на нихъ до изнеможенія, а нето — отчетливо видитъ, какъ обувшись въ лапти, надѣвъ рукавицы и шапку, лягушка лѣзетъ ему въ ротъ, какъ змѣя вползаетъ и выползаетъ изъ носа, глазъ, ушей и т. под. Да и невозможно перечесть всѣхъ навожденій, клонящихся къ одновременной погибели тѣла и души человѣка!..

Съ навожденіями весьма тѣсно граничатъ бѣсовскія *подшучиванья*, по крайней мѣрѣ, цѣли послѣднихъ состоятъ въ томъ, чтобы погубитъ человѣка путемъ комическихъ и странныхъ положеній, въ которыя то и дѣло ставитъ жертву нечистая сила. Такъ, иной человѣкъ вдругъ очутится въ богатомъ домѣ, среди веселаго общества, ѣстъ и пьетъ что ни есть лучшее, покоится на мягкой мебели, видитъ усердный за собою уходъ, при чемъ слуги наперерывъ подчуютъ, раздѣваютъ, разуваютъ и укладываютъ спать въ мягкую постель; но лишь пропоетъ полночный пѣтухъ—обаяніе пропадаетъ: дорогой гость видитъ себя на чердакѣ, на стогу сѣна, на охапкѣ соломы, на навозной кучѣ, въ болотинѣ, на трясинѣ, на дорожной грязи... Или: нечистикъ скрадетъ, напр., какую-нибудь вещь, мечетъ ее передъ глазами пострадавшаго, дразнитъ, угрожаетъ порчею ея; но какъ-только пострадавшій произноситъ—„вѣрно, чертъ подшутилъ“, немедленно отдастъ, т. е. владѣлецъ находитъ потерю въ такомъ мѣстѣ, что и самъ дивится, какъ она туда попала. Подобныя подшучиванья чаще всего дѣлаются съ наиболѣе грѣховными предметами—табакеркою, трубкою, табачнымъ кисетомъ и рюмкою во время попойки. Бываетъ и такъ, что охотникъ стрѣляетъ въ цѣнную дичь; но потомъ уже узнаетъ, что онъ стрѣлялъ въ древесный наростъ, въ пень, въ камень, и что въ рукахъ у него

не ружье, а палка, даже—срамный предметъ... Нерѣдко случается, что человѣкъ поймаетъ встрѣчное животное, повидимому, обезсиленное голодомъ и нуждою, кормитъ, холитъ, ласкаетъ его; но, среди высшихъ проявленій ухода, животное вырываетя и убѣгаетъ прочь, при чемъ норовитъ вызвать за собою погоню, увлекая въ какое-нибудь опасное мѣсто, гдѣ съ хохотомъ и пропадаетъ. Во всѣхъ случаяхъ, когда человѣкъ видитъ бѣсовскія подшучиванья и желаетъ освободиться отъ нихъ, ему достаточно помянуть бѣсовское имя—и посрамленный чертъ перестаетъ шутить.

Какъ очевидно, бѣсовскія подшучиванья не лишены злонамѣренности, безъ чего бѣсъ не дѣлаетъ ни одного дѣла; но есть подшучиванья завѣдомо злонамѣренныя. Такъ, онъ трясетъ домъ и другое строеніе, гдѣ человѣкъ расположился для отдыха, тормошитъ спящаго, стучитъ предметами домашней обстановки, перемѣщаетъ ихъ, зоветъ голосомъ какого-нибудь члена семьи, чтобы заставить напрасно откликнуться, пойти на зовъ, или приневоливаетъ во время отдыха отлеживать руку, ногу. Весьма много страдаютъ отъ такихъ подшучиваній ружейные охотники и рыболовы: у первыхъ онъ уноситъ изъ ружья или полный зарядъ, или только пулю да дробь, или же направляетъ зарядъ въ неожиданную для охотника сторону; у вторыхъ гноитъ сѣти, скрадываетъ грузила и плавки, или же подставляетъ зацѣпы при самой рыболовлѣ.

Впрочемъ, на многія бѣсовскія подшучиванья въ домѣ нужно смотрѣть, какъ на гнѣвныя движенія домового, хлѣвника, гуменника и другихъ человѣкоподобниковъ, ютящихся въ усадьбѣ, которыхъ посему и необходимо умиротворять.

О *размноженіи* и необычайной плодовитости вольныхъ нечистиковъ существуетъ множество поражающихъ, часто комическихъ сказаній. Изъ нихъ видно, напр., что и самомалѣйшее прикосновеніе черта къ чертовкѣ тутъ же даетъ чертенка; но если бѣсовская чета вошла въ воду, въ болото, да взялась за руки—изъ-промежъ рукъ начинаютъ шлепаться чертята, кото-

рыхъ въ четверть часа можетъ появиться добрая сотня. Получаются чистокровные вольные нечистики, немедленно готовые къ бѣсовской дѣятельности; для развода ихъ только и нужна чертовка. Въ остальномъ она—какое-то бесцвѣтное существо, не знающее бѣсовской дѣятельности, и единственный поминъ о ней связывается лишь съ актомъ бѣсорожденія. Болѣе почетный людской поминъ имѣетъ ея свекровь, или „чертова матка“, которая, вопреки бѣсовской догмѣ, любитъ людей, а нерѣдко останавливаетъ даже и сыновнія дѣянія по отношенію къ нимъ.

Не блюдя, или лучше—не вѣдаясь съ супружескою вѣрностію, нечистики не любятъ чертовокъ, которыхъ, правда, за невыразимое безобразіе и любить невозможно, а охотнѣе льнутъ къ вѣдьмамъ, отъ которыхъ, въ свою очередь, могутъ имѣть чистокровныхъ чертятъ. Но нечистики не пропускаютъ случаевъ для сношеній съ обычными женщинами, не какъ искусители, а какъ ловеласы. Послѣднее необходимо всемѣрно отстранять и осторожно обходить незнакомыхъ мужчинъ, ласкающихся животныхъ, даже бездушные, но привлекательные предметы: въ нихъ можетъ быть воплотившійся нечистикъ, которому только и нужно, чтобы жертва дотронулась до предмета—приласкала животное, взяла въ руки, положила за пазуху, или въ карманъ приманчивый предметъ. Печальными плодами такого сношенія являются бѣсоподобныя существа—съ рогами, хвостомъ, клыками, шерстью, неузнаваемыми руками и ногами, словомъ—физическіе и, неизбѣжно, нравственные уроды. Ясно, что они составляютъ особенную кару не матери и семьи только, но и цѣлой деревни. Къ счастію, эти выродки не ведутъ бѣсовскихъ дѣлъ, а иногда помогаютъ матерямъ и семьямъ противъ бѣсовскихъ злодѣяній.

Въ свою очередь, нечистики не знаютъ и родственныхъ привязанностей: сегодняшній родитель, или сынъ, завтра же, въ скопѣ другихъ бѣсовъ, жестоко и злорадно расправляются другъ съ другомъ. Если существуютъ повѣсти о бѣсовской семейной идилліи, когда бѣсъ, окруженный чертятами и чертовками, предается семейному времяпрепровожденію, такъ тутъ-же передается,

что такія дѣянія ни больше, какъ каррикатурное воспроизведеніе людскихъ, пародія и осмѣяніе семейной идилліи людей.

Въ дальнѣйшихъ сказаніяхъ о бѣсовской *общественной жизни* видится та же пародія на людскую общественную жизнь. Безспорно, нечистики побаиваются другъ друга, какъ слабѣйшій сильнѣйшаго; но они все-таки не избѣгаютъ бѣсовскихъ скопищъ, ищутъ общества. Исключеніе могутъ составлять немногія óсоби, съ отшельническимъ складомъ, при чемъ и они не выдерживаютъ безусловнаго одиночества. Сверхъ чисто бѣсовскихъ занятій, обсужденія бѣсовскихъ дѣлъ, нечистики развлекаются на сборищахъ шутками, играми, плясками, бьются на кулачки, бодаются, лягаютъ другъ друга и проч. Съ человѣческой точки зрѣнія все это разнузданно и цинично: изысканная, грубая брань во всякой рѣчи смѣняетъ ласковыя слова только для того, чтобы осмѣять понятіе добра и добрыхъ порывовъ. Нечистики даже бываютъ въ гостяхъ и на пирушкахъ другъ у друга; но что это за пирушки! Вмѣсто водки тутъ пьется человѣческая кровь, на жаркое идетъ человѣческое мясо, при чемъ непотребныя и срамныя части тѣла смакуются, какъ лакомства! . . Бѣсовское глумленіе не покидаетъ и разныхъ требъ: такъ, между прочимъ, они притворно убиваются надъ мнимо-умершимъ, погребаютъ его и тутъ же съ сатанинскою спѣшностью начинаютъ справлять его свадьбу, которая, какъ выше замѣчено, ничѣмъ не вызывается, потому что ни для рожденія, ни для воспитанія чертятъ не требуется бѣсовской четы. Замѣчательно, однако, что для вящшаго свадебнаго торжества и самыя стихіи приходятъ на помощь: дождь, слякоть и вѣтеръ, переходящій въ жестокій вихрь и ураганъ, сопровождаютъ свадебное бѣсовское движеніе, при чемъ, по степени стихійныхъ проявленій, можно опредѣлить и степень ранговаго положенія брачущагося нечистика, такъ-какъ свадьба захудальца мчится въ простомъ легкомъ вихрѣ, первостатейника — въ ураганѣ. Люди научились губить бѣсовскую свадьбу, внезапно подставляя подъ узелъ вихря крестообразно сложенные ножи, или другіе рѣжущіе, колющіе предметы: сва-

дебные поѣзжане внезапно наѣзжаютъ на эти предметы, рѣжутся или колются ими и гибнутъ, видимымъ доказательствомъ чего служитъ остающаяся на предметахъ кровь. Нѣтъ крови—свадьба проскользнула, или въ вихрѣ не было нечистиковъ.

Излюбленными *мѣстами бѣсовскихъ сборищъ*, какъ и одиночныхъ шатаній, слѣдуетъ считать: пустоши, оставленныя селища, старыя, полуразрушенныя строенія, мельницы, преимущественно, вѣтряныя, мѣста самоубійствъ, овраги и вообще мѣста, куда рѣдко ступаетъ нога человѣка и куда давно не заносился освященный предметъ, а изъ бойкихъ мѣстъ—извѣстныя „рóстыньки" (перекрестки). Много ихъ ютится въ разныхъ водовмѣстилищахъ, откуда, однако, они стремительно выпрыгиваютъ при каждомъ здѣсь водосвятіи, садятся на ближайшіе предметы—деревья, камни, бугорки—и горько плачутъ по оставленному мѣсту. Тутъ зимою они выжидаютъ бабъ, приходящихъ колотить бѣлье, а лѣтомъ—первыхъ купальщиковъ: лишь только раздаются первые удары валька о ледъ, или купальщикъ вступитъ въ воду—туда же радостно впрыгиваютъ и нечистики. Не случись того или другого въ теченіе года—нечистики такъ и просидятъ на окрестныхъ предметахъ цѣлый годъ, пока не изберутъ новыхъ мѣстъ.

По другимъ сказаніямъ, нечистики не входятъ въ оставленныя водовмѣстилища лишь отъ Крещенія до Купальской полночи, сходятся даже на вербы, въ промежутокъ времени отъ Крещенья до Вербнаго воскресенья, и на однолѣтнія растенія (травы и цвѣты), послѣ того, какъ они будутъ повреждены морозомъ.

Что же касается *времени бѣсовскихъ сборищъ*, то оно тщательно скрывается отъ людей. Однако, извѣстно, что изъ зимнихъ дней масляница есть непремѣнный сборищный бѣсовскій праздникъ,—что нечистики чаще собираются весною, во время морозовъ, когда имъ живется несовсѣмъ хорошо, и шатаются они больше въ одиночку, рыская по оледенѣлымъ полямъ и дорогимъ, да „подувая въ кулаки". Плодомъ послѣдняго и въ цѣляхъ вреда людямъ бываютъ грозныя мятели со всѣми разновидностями

ихъ, тамъ и здѣсь слышится свистъ и скрипъ движущагося по мерзлому снѣгу нечистика. Тѣмъ не менѣе, въ періодъ людскихъ свадебъ (мясоѣдъ отъ Рождества до масляницы), нечистики справляютъ собственныя,—о чемъ можно судить по бурнымъ въ это время вьюгамъ. Что всего тягостнѣе для нечистиковъ зимою, такъ это—трудный доступъ въ человѣческіе дома: послѣдніе чаще окуриваются ладономъ, окропляются освященною водою въ Крещенье и при вносѣ въ хату новорожденныхъ животныхъ, знаменуются освященнымъ мѣломъ; чаще здѣсь группируется семья для молитвенныхъ возношеній, справляются поминальныя съ молитвами празднества; трудно тогда нечистникамъ пробраться и въ дома некрещенниковъ, потому что эти дома и безъ того переполнены нечистиками. Но не лучше и въ открытыхъ мѣстахъ: путевой или рабочій человѣкъ тутъ не застаивается понапрасну, а прикончивъ дѣло, спѣшитъ домой.

Къ слову о мѣстѣ и времени бѣсовскихъ сборищъ остается присовокупить, что сроки ихъ длятся всю ночь, отъ полныхъ сумерекъ до начала разсвѣта; но вредоносные находы на человѣка опасны и дѣйственны только „до пѣтуховъ“.

Утверждаютъ, что „у чертей работы много, и усталость незнакома имъ“: прикончивъ одну работу, обыкновенно состоящую въ простомъ и косвенномъ вредѣ человѣку, нечистикъ спѣшитъ къ другой, третьей, и тогда только предается относительному бездѣйствію, когда нѣтъ бѣсовскаго занятія. Въ это именно время нечистики и составляютъ свои сборища, гдѣ забавляются, передаютъ другъ другу собственныя и товарищескія приключенія и, между прочимъ, чинятъ *расправы съ виновными*. Въ послѣднихъ выражается все, что можетъ придумать демоническая злоба и изобрѣтательность для наказанія простой неисправности, бездѣятельности, попустительства, даже малоопытности. Пытаніе огнемъ, сдираніе кожи, потрошенье, битье молоткомъ на наковальнѣ, сѣченье раскаленными прутьями, сплюскиваніе въ тонкій листъ, растягиванье въ тонкую проволоку, сдавливанье въ маковое зерно, разрываніе на мелкіе кусочки и т. под. истязанія длятся

часы и чередуются одно за другимъ, при адскомъ хохотѣ зрителей и мучителей, да жалобномъ пискѣ истязуемаго, который, однако, пощады не проситъ, потому что послѣдней не дадутъ истязатели. Но эти истязанія чувствительны, пока длятся; прикончились они—кончаются страданія, временныя поврежденія, и нечистикъ принимаетъ первоначальный видъ; въ общемъ же такая расправа носитъ характеръ скорѣе сатанической забавы, чѣмъ наказанія.

Нѣсколько иначе съ тяжкими преступниками, къ которымъ примѣняются высшія кары, состоящія въ пытаніи и истязаніи освященными предметами: виновныхъ держатъ надъ курящимся ладономъ, посыпаютъ порошкомъ его, хлещутъ освященною вербою и цвѣтами, прутьями и плеткою, на которыя когда-нибудь упала капля освященной воды, поливаютъ подхваченною отъ купѣли водою. Перечисленные предметы не держатся истязателями въ рукахъ, иначе тождественная пытка переносилась бы и на нихъ, а на шестахъ, поодаль отъ себя, держатся спеціальными на сей случай палачами, достаточно обтерпѣвшимися отъ частаго соприкосновенія съ этими предметами, или же вызываются демоноподобники—вѣдьмаки и колдуны. При спѣшности кары, особенной остротѣ ея, при отсутствіи палачей, нечистики распластываютъ виновнаго и бьютъ объ одинъ изъ освященныхъ предметовъ, или кладутъ его на освященное мѣсто.

Изъ перечисленныхъ бичеваній наивысшимъ служитъ обливаніе купѣльною водою и привѣшиванье надъ ладаннымъ дымомъ. Надо сознаться, что двумя послѣдними карами „служители злобы и огня“ доводятъ истязуемаго или до конечной гибели, или до непоправимаго увѣчья, хотя то и другое обыкновенно не входитъ въ намѣренія истязателей и создается случайно. Однако, цѣль расправъ достигается: истязуемый получаетъ бѣсовскую выправку—становится могучимъ дѣятелемъ въ бѣсовской семьѣ, надежнымъ бичомъ человѣка.

Бѣсовская выносливость невольно выдвигаетъ вопросъ о *долговѣчности* нечистиковъ, но какова она—составляетъ пока

вопросъ съ довольно смутнымъ рѣшеніемъ: нечистики появились раньше сотворенія міра, переживаютъ сотни, тысячи лѣтъ и весьма медленно старѣютъ, не умираютъ естественною смертью. Когда же, однако, нечистикъ дожилъ до старчества, когда со многими физическими изъянами его силы и энергія ослабли, тогда онъ приставляется или къ низменнымъ обязанностямъ человѣкоподобниковъ, или *перемолаживается*. Послѣднее происходитъ при возможно бóльшомъ бѣсовскомъ скопѣ, при участіи вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, при чемъ перемолаживаемый иногда не выдерживаетъ перерожденія и погибаетъ. Но если оно прошло благополучно, перемоложенный воспринимаетъ бѣсовскую молодость и снова готовъ на сотни, тысячи лѣтъ. Такой нечистикъ стоитъ на особомъ счету: его опытности ввѣряется руководительство юныхъ нечистиковъ, при которыхъ онъ состоитъ дядькою, и поручаются наиболѣе запутанныя бѣсовскія дѣла.

Погибшій во время перемолаживанья, или отъ преслѣдованія доброй силы нечистикъ обращается въ безвредный предметъ. Бѣсовскій скопъ обыкновенно вопитъ надъ погибшимъ и спѣшитъ излить злобу надъ человѣкомъ, до тѣхъ поръ, пока предметъ не превратится въ прахъ. Понятно, что если бы не было бѣсовскихъ истребителей, въ теченіе года нечистики могли бы размножиться до невѣроятнаго количества, отчего людская жизнь на землѣ считалась бы преждевременнымъ адомъ. Въ самомъ дѣлѣ нечистики обильно размножаются только осенью, слабѣе—зимою и, въ ничтожномъ количествѣ—весною, до перваго грома—могущественнаго истребителя ихъ во все лѣто. Не мало гибнетъ чертятъ при самомъ ихъ рожденіи: такъ, если моментъ рожденія чертенка совпалъ съ полуденнымъ и, въ особенности, въ полночнымъ возгласомъ пѣтуха, незримо расположившагося вблизи, новорожденный гибнетъ отъ „разрѣзу“, т. е. отъ воздѣйствія пѣтушьяго возгласа: онъ разсѣкается пополамъ, при чемъ разъединенныя части уже не могутъ соединиться вновь.

Страшась доброй силы, какъ противника сатанинской, нечистики особенно страшатся заправителей громоносной силы—св.

Юрія и Иліи, изъ коихъ первый правитъ громами весною, а послѣдній—въ остальное время, вплоть до глубокой осени. Людямъ никогда не счесть, сколько тутъ гибнетъ бѣсовъ; достовѣрно извѣстно, что каждый громовой ударъ неминуемо разитъ нечистика, а если молнія сверкнула крестообразно и зажгла предметъ, за которымъ, или въ которомъ, несомнѣнно, притаился нечистикъ, послѣдній погибъ. Въ противномъ случаѣ нечистикъ только изувѣченъ и далеко не уйдетъ отъ послѣдующаго удара, который и доканаетъ его. Кстати дополнить: молнія нерѣдко отбиваетъ то рога, то хвостъ, зубы, когти, копыта, то полосуетъ шкуру, и эти изъязвленія, подлежа нескончаемому осмѣянію товарищей, остаются непоправимыми во всю жизнь увѣчника. Однако, если второй ударъ молніи пришелся по одному и тому же мѣсту (по нечистику тожъ), увѣчья мгновенно исправляются, а убитый оживаетъ.

Замѣчено, что во время грозы нечистики прячутся вблизи человѣка—въ домѣ, въ платьѣ его, въ подручный около него предметъ, въ чаяніи, что громовыя стрѣлы не коснутся ихъ ради человѣка. Практика не оправдываетъ бѣсовскихъ упованій—и ударъ разитъ нечистика вблизи человѣка, или разитъ послѣдняго вмѣстѣ съ нечистикомъ. Зная бѣсовскую снаровку, предусмотрительные люди обыкновенно обставляютъ себя освященными предметами, а свои помыслы сосредоточиваютъ на святомъ, осѣняютъ себя и мѣсто вокругъ крестнымъ знаменіемъ: тогда бѣсъ уже не подступаетъ близко, а прячется за кору дерева, преимущественно осиноваго, въ стволъ тростника, въ травяной стебель, въ воду, подъ камень, куда и направляются громовыя стрѣлы, которыми попутно можетъ быть ранено, но не убито другое существо.

Каковы громовыя стрѣлы во время пораженія нечистиковъ—отвѣтить трудно; нужно полагать, что онѣ невещественны. Но, пронизавъ предметъ, даже зажегши его, стрѣлы врѣзываются въ землю, откуда ввидѣ кремневой чурки, длиною въ палецъ, толщиною—въ два, ровно черезъ три года подходятъ къ земной

поверхности. Какъ извѣстно, такія уже матеріальныя стрѣлы имѣютъ лѣкарственную силу: люди обмываютъ ихъ чистою водою, которую потомъ и даютъ пить страдающему костоломомъ и коликами.

При воплощеніи и внѣ его *нечистики не лишены* человѣкоподобныхъ *страстей*. Какъ выше сказано, они нескончаемо спорятъ, дерутся; но, кромѣ того, они предвосхищаютъ другъ у друга доходныя дѣянія, цѣнные предметы, клевещутъ, оглашаютъ личную скорбь, точно хотятъ вызвать сочувствіе, мстятъ, или въ безсильной злобѣ бьются о ближайшіе предметы, самоистязуюся, распарывая, напр., себѣ животъ, грудь, выкалывая глаза и проч. Забавнѣе всего видѣть бѣсовскій плачъ и слезы: уродливое лицо нечистика, гдѣ такъ непропорціонально сочетались отдѣльныя части, принимаетъ тогда ни съ чѣмъ земнымъ несравнимое выраженіе и съ отвращеніемъ заставляетъ смотрѣть даже навычныхъ въ бѣсовствѣ демоноподобниковъ. Гдѣ плакалъ нечистикъ и проливалъ свои слезы, тамъ три года не будетъ расти трава, а на нивѣ столько же лѣтъ не будетъ всходовъ.

Сколько для удаленія нечистика, столько и шутки ради, люди нашли средства вызывать подобный плачъ и слезы: такъ, вмѣсто табака, иной шутникъ подноситъ своему врагу „плакунъ-траву“ (плавунъ?), отъ которой образина нечистика моментально искажается—и со слезами, даже рыданіями, онъ стремглавъ летитъ прочь. Между прочимъ, „плакунъ-травою“ можно отогнать нечистика отъ кладохранилища, отъ готовой погибнуть жертвы, хотя и не слѣдуетъ забывать, что этой травы побаиваются и гнѣвно оставляютъ человѣка такіе добрые нечистики, какъ домовые, хлѣвники, кикиморы. Почти въ той же мѣрѣ нечистики боятся чертополоха, къ которому никогда не подходятъ близко.

Кромѣ сдѣланныхъ раньше указаній на предметъ распознаванія нечистиковъ, принявшихъ матеріальный видъ, небезполезно имѣть въ виду и нижеслѣдующія. Такъ, воплощенникъ никогда не подаетъ милостыни, испрашиваемой ради Бога, въ разговорѣ

ни однажды не произнесетъ того же Имени, не упомянетъ ни объ одномъ предметѣ христіанскаго почитанія, людскія имена будетъ произносить въ искаженномъ видѣ (Ванька Мишка, Дашка); глаза его, все время отливающіе фосфорическимъ блескомъ и часто подворачивающіеся подъ лобъ, при чемъ выступаютъ страшные бѣлки, бѣгаютъ по сторонамъ, прочь отъ собесѣдника; злая улыбка не сходитъ съ лица. Но такой нечистикъ ни разу не произнесетъ и чертовскаго имени, иначе первый попутный бѣсъ явится на зовъ и, пожалуй, перепутаетъ начатое дѣло. Вообще же нечистикъ избѣгаетъ словъ съ буквою *р*.

Звуки голоса отдѣльнаго нечистика гортанные, надсаженные, съ металлическимъ отзвукомъ, при чемъ собесѣднику кажется, будто говоритъ не товарищъ, а стоящій позади его, такъ-какъ губы и ротъ говорящаго остаются малоподвижными. У молодыхъ чертятъ голосъ пискливъ и отчасти напоминаетъ звуки аистовыхъ выводковъ. Когда же нечистики оживленно разговариваютъ, спорятъ, слушатель улавливаетъ смѣшеніе гортанныхъ и пискливыхъ звуковъ съ шипѣньемъ и урчаньемъ. Но подальше отъ сихъ звуковъ и мѣстъ! Если вѣрно, что „одинъ чертъ хитеръ, другой—хитрѣе его, а третій проведетъ всѣхъ“, то и малочисленный бѣсовскій скопъ не замедлитъ приготовить жертвѣ вѣрную гибель.

Житейское положеніе удостовѣряетъ, что „человѣкъ узнается въ ѣдѣ, въ игрѣ, да въ попутьи“. Нечистика легко узнать по одной только ѣдѣ: такъ онъ жуетъ обѣими челюстями одновременно, при чемъ рѣдкіе зубы съ лязгомъ стучатъ одинъ о другой. Такъ-какъ у нечистика слюны вообще мало, то онъ больше прихлебываетъ жидкаго кушанья, чѣмъ, примѣрно, откусываетъ хлѣба, который безпрестанно выпадаетъ у него изо рта. Кое-какая слюна нечистика обыкновенно мутная, клейкая, пѣнистая, зловонная жижа...

„Безъ чертей, однако, нельзя обойтись“,—сказано гдѣ-то, и люди вступаютъ въ такія или иныя сношенія со своими врагами, отчасти подневольно, отчасти—самохотью. Въ послѣднемъ

случаѣ нѣтъ надобности становиться вѣдьмакомъ, а достаточно по адресу нечистика выразить желаніе войти съ нимъ въ связь, чтобы во славу пожить на землѣ: оставаясь обычнымъ человѣкомъ, будущій эпикуреецъ долженъ сдѣлать одно—запродать нечистику свою душу и въ томъ дать расписку, написанную собственною кровью изъ разрѣзаннаго крестообразно мизинца правой руки, при чемъ перо и бумагу доставить нечистикъ, потому что людскія тутъ не годятся.

Пока расписка не подписана, нечистикъ только кажетъ ожидаемыя блага—деньги, дорогія вещи, обстановку,—но даетъ ихъ въ пользованіе тогда, когда расписка очутится въ его рукахъ и отнесется къ Люцы́пыру. Правда, есть возможность возвратить расписку и нарушить обязательства; но для того необходимо заживо спуститься къ Люцыпыру, застращать его освященными предметами и потомъ долгое время очищаться покаянными средствами. Какъ очевидно, подобный поворотъ труденъ, дается немногимъ; большинство принуждено катиться по наклонной плоскости и жить согласно предварительно выраженному желанію. Само собою разумѣется, что, при нарушеніи условія, всѣ блага сразу отнимаются отъ человѣка-отступника, и рѣдко бываетъ, что послѣдній уйдетъ отъ скоповой бѣсовской мести, которая покидаетъ человѣка только предъ монастырскими стѣнами...

Обычнымъ мѣстомъ для запродажнаго сговора, какъ и выдачи расписки, бываютъ „ростыньки“. Необходимо помнить, что въ послѣдующее время нечистикъ будетъ поставлять только то, что обусловлено въ сговорѣ, и не поступится лишнимъ, а потому запродавшій себя долженъ въ подробностяхъ и мелочахъ намѣтить требуемые предметы передъ выдачею расписки. По первому зову, даже по одной мысли человѣка, нечистикъ исполнитъ оговоренныя требованія съ неожиданною добросовѣстностію, при чемъ все это будетъ дѣлаться незримо, и жертва не видитъ своего властлеина, пока тотъ не явится за ея грѣшною душою.

Пользуясь благами земного положенія, возбуждая окрестную зависть, запродавшій себя человѣкъ все-же не испытываетъ

полнаго удовлетворенія, тоскуетъ по поводу не оговоренныхъ, но вдругъ набѣжавшихъ требованій, а пресытившись наличностью, сводитъ счеты съ земною жизнью: большинство такихъ алчниковъ кончаетъ самоубійствомъ. Въ то же время и самыя земныя блага алчника представляются дутыми, безплодными для него лично, гибельными для благъ, пріобрѣтенныхъ трудовымъ путемъ, но пришедшихъ въ соприкосновеніе съ бѣсовскими. Правда, въ немногихъ случаяхъ, запродавшій свою душу можетъ передать грѣховное добро по наслѣдству, можетъ благотворить имъ при жизни; но и въ наслѣдственномъ владѣніи, какъ и при благотвореніяхъ, оно изводитъ получателей, разрушаетъ трудовое ихъ добро. Только раздача добра бѣднымъ да вклады его въ церкви и монастыри, въ пользу причта и монаховъ, остаются плодотворными, даже для дателей, которымъ тѣмъ легче бываетъ нарушить учиненное обязательство.

„Бѣсъ добра не дѣлаетъ, чертъ не помнитъ его“,—утверждаетъ людская молва. При всемъ этомъ нѣкоторые недальновидники хотятъ видѣть въ иныхъ бѣсовскихъ дѣяніяхъ выраженіе чувства признательности за оказанную помощь. Безспорно, нечистикъ даетъ иногда человѣку вещественныя доказательства благодарности—деньги, вещи, хозяйственный достатокъ; но если человѣкъ не вышелъ изъ забвенія, творитъ святыя людскія дѣла, то, при первомъ же соприкосновеніи бѣсовскаго добра съ предметами обиходности такого человѣка, оно обращается въ непотребные, даже срамные предметы: чертъ всегда и вездѣ остается чертомъ...

I. ЛЮЦЫ́ПЫРЪ.

Глава бѣсовской силы, распорядитель злыхъ дѣяній въ мірѣ есть извѣстный Люцы́пыръ (онъ же—„Анчи́пыръ“, „Сато́нъ дъябольскій“)—первый отпавшій ангелъ, удаленный отъ Свѣта Правды и вмѣстѣ съ сонмомъ подвластныхъ ему духовъ низринутый съ первозданной высоты. Всѣ типичныя особенности бѣсовъ, обрисованныя предыдущею повѣстью, совмѣстились въ

немъ, какъ лучи въ фокусѣ; онъ—бѣсовскій идеалъ. По внѣшнему облику, Люцыпыръ—сатанинскій исполинъ, съ крупными формами и выразительностію, которой страшатся даже подвластные ему бѣсы, вѣситъ столько, сколько всѣ нечистики, взятые вмѣстѣ. Какъ и слѣдуетъ ожидать, Люцыпыръ имѣетъ видимыя отличія своего достоинства—желѣзную корону, прибитую къ черепу проходящими насквозь гвоздями, и нѣчто въ родѣ желѣзныхъ вилъ въ правой, съ мощными когтями, лапѣ: осязательной боли отъ прибитой короны онъ не испытываетъ, но она не даетъ Люцыпыру возможности остановиться на свѣтлой мысли; не тяжелы вилы, но онъ не можетъ ни на минуту разстаться съ ними, потому что не можетъ раскрыть своей лапы... При каждомъ дыханіи Люцыпыръ выпускаетъ изъ ноздрей и пасти длинные пуки огненныхъ лучей, которые на далекое разстояніе жгутъ встрѣчные предметы.

Со времени своего паденія Люцыпыръ вольно пребывалъ въ мірѣ и тогда много терпѣлъ человѣкъ отъ него и слугъ его. Но вотъ уже нѣсколько вѣковъ этотъ первый человѣконенавистникъ запертъ въ мрачномъ аду, за двѣнадцатью дверями, за двѣнадцатью замками, прикованъ двѣнадцатью желѣзными цѣпями. Ни вопли, ни проклятія не могли доселѣ измѣнить его положенія, которое такъ и продлится до скончанія міра, съ чѣмъ вмѣстѣ погибнетъ Люцыпыръ со своими клевретами. Правда, по особому попущенію, отъ его неистовыхъ метаній и порывовъ ежемѣсячно разрушается одна дверь, разрывается одинъ замокъ и перегрызенная цѣнь; еще немного—и Люцыпыръ готовъ уничтожить послѣднія преграды, сорваться съ мѣста и очутиться на вольномъ свѣтѣ, который онъ ужъ злобно созерцаетъ. Но въ это именно время раздается полночный (Пасхальный) звонъ—и разрушенныя двери, замки и цѣпи снова принимаютъ цѣлостный видъ, мрачный адъ становится еще мрачнѣе. Тогда, въ изнеможеніи отъ безсильной злобы, гордый властелинъ зла падаетъ ничкомъ и остается неподвижнымъ вплоть до Вознесенія, послѣ чего онъ снова принимается за свою вѣковую работу—грызетъ, мечется, вопитъ.

Томительная неволя отдѣляетъ Люцыпыра отъ людей, которыхъ онъ давно не видитъ и о которыхъ знаетъ по сообщеніямъ подчиненныхъ бѣсовъ да по давнимъ непосредственнымъ сношеніямъ съ людьми. Но и сами бѣсы сносятся со своимъ властелиномъ заочно, чрезъ двери, и только немногимъ изъ нихъ удается видѣть Люцыпыра, когда готова разрушиться послѣдняя дверь, порваться послѣдняя цѣпь. Безстрашные повсюду, бѣсы никогда не забываютъ обаянія страха отъ скоротечнаго созерцанія своего повелителя. Быть можетъ, это обстоятельство, или же особое на то попущеніе не позволяетъ бѣсамъ подступиться къ Люцыпыру съ помощью, для освобожденія отъ неволи. При семъ томъ, безъ воли и указаній Люцыпыра, не творится ни одно бѣсовское дѣло, начиная отъ распорядка напастей на людей и кончая распорядкомъ въ бѣсовскихъ расправахъ. То же и въ отношеніи адскихъ мукъ грѣшныхъ душъ, воплемъ и стономъ которыхъ Люцыпыръ обыкновенно отчасти услаждаетъ свою томительную неволю. Въ нужныхъ случаяхъ Люцыпыръ сзываетъ бѣсовъ особымъ стукомъ въ дверь, ревомъ и свистомъ, или (по солдатскому сообщенію) барабаннымъ боемъ.

Передъ кончиною міра Люцыпыръ, однако, вырвется на прежнюю, хотя и кратковременную, свободу, надѣлаетъ много зла живущимъ на ту пору людямъ; но онъ скоро погибнетъ со всѣмъ сонмомъ подчиненныхъ бѣсовъ—и въ мірѣ, безъ злодѣтелей, пойдетъ новая жизнь. Какъ скоро сбудется все это—никому изъ сотворенныхъ существъ не дано знать...

Неустанная и многообразная бѣсовская дѣятельность все же производитъ нѣкоторое измѣненіе бѣсовскаго существа: „старый бѣсъ, лысый бѣсъ, кривой бѣсъ“ только и могутъ образоваться отъ долголѣтней дѣятельности, увѣчники разныхъ формъ—отъ молніеносныхъ пораженій, отъ столкновеній съ людьми. Ничего подобнаго не происходитъ съ Люцыпыромъ; онъ не тощаетъ отъ неустанной работы, безсильной злобы; его завитые внутрь темени рога не тупятся отъ жестокихъ ударовъ о полъ, о

стѣны ада; не притупляются ужасные зубы и когти, не спадаетъ ни одной шерстинки.

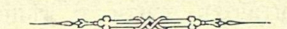
II. ПЕКÉЛЬНИКИ.

Мѣсто дѣятельности пекельниковъ есть извѣстное „пéкло“ (адъ), имѣющее единственный свѣтъ отъ неугасающаго тамъ огня; самая же дѣятельность состоитъ въ поддержаніи этого огня и мученіи имъ грѣшныхъ душъ. Далѣе пекельныхъ стѣнъ эти бѣсы ничего не знаютъ, не могутъ выйти за нихъ, лишены сношеній съ остальными нечистиками, какъ и сношеній съ Люцыперомъ, вблизи котораго они живутъ, исполняютъ его велѣнія, но котораго, въ свою очередь, никогда не видятъ. Немногимъ прозорливцамъ удавалось уловить обликъ пекельниковъ, который приблизительно таковъ: они имѣютъ полусобачій, полукозій видъ, лишены шерсти на толстой кожѣ, отчасти напоминающей кожу летучей мыши, покрытую толстымъ слоемъ копоти и нагара, которыми въ равной мѣрѣ покрыты длинный хвостъ и средней величины прямые рога; среди пекельнаго мрака какъ-то особенно рѣзко выдѣляются бѣлизною ихъ зубы съ удлиненными клыками и большими глазными бѣлками. Въ дополненіе ко всему этому пекельники держатъ неустанно высунутымъ огненнаго цвѣта языкъ свой, которымъ, какъ и изъ ноздрей, время-отъ-времени они обдаютъ жертвы расплавленною смолою и сѣрою, содержащимися внутри пекельниковъ.

Лично пекельники нечувствительны къ окружающему ихъ огню, который, кстати, не производитъ ни малѣйшаго измѣненія въ ихъ существѣ; но они испытываютъ томленіе отъ однообразной дѣятельности, приковывающей къ ограниченному пространству, и отъ воспоминанія о вольной жизни на вольномъ свѣтѣ. Это именно и развиваетъ то ожесточеніе, съ которымъ пекельники относятся къ жертвамъ: въ воплѣ, стонѣ, въ мучительнѣйшихъ движеніяхъ послѣднихъ они находятъ нѣкоторое забвеніе прежней своей жизни, къ которой для нихъ нѣтъ возврата.

Будетъ время, когда, по особому попущенію, рухнутъ пекельныя стѣны, которыя навсегда погребутъ и обратятъ пекельниковъ въ ничто.

До своего приставленія къ настоящей дѣятельности пекельники были вольными нечистиками; но они лишились вольной жизни изъ-за бѣсовскихъ неисправностей, или же отосланы сюда вслѣдствіе старости, увѣчья, недомыслія, при чемъ существо ихъ подлежало необходимымъ приспособленіямъ къ пекельной жизни—уничтожалась шерсть, вмѣсто копытъ на ногахъ стали цѣпкіе когти, внутренность стала содержать наивысшій жаръ, гдѣ мгновенно могутъ плавиться даже камни. Если бы пекельники предварительно знали про свою дѣятельность въ пеклѣ, они прилагали бы всѣ бѣсовскія усилія, чтобы не попасть въ постылое мѣсто; но они не знаютъ ничего о пекельной жизни и знакомятся съ нею только по вступленіи въ пекло. Случается иногда, что въ пекло одновременно вступаютъ бывшіе на-земные друзья—человѣкъ и его искуситель, которые здѣсь встрѣчаются, какъ жертва и мучитель: тутъ только и узнаетъ слишкомъ поздно человѣкъ, какою цѣною купилъ онъ земныя блага, что стóитъ сношеніе съ нечистою силою.

Б. Повсюдники, вольные нечистики.

III. Ш É Ш К И.

Послѣ дикихъ и жестокихъ пекельниковъ, о которыхъ вообще мало извѣстно, вольные нечистики—шéшки являются чѣмъ-то отраднымъ въ бѣсовскомъ скопѣ,—что, отчасти, и выражается въ ласкательномъ имени ихъ—„шéшечки“. Послѣднему, впрочемъ, способствуетъ скромный ростъ шéшки, не превосходящій величины рослой кошки. Юркій, подвижной, но въ то же время легкомысленный шешка способенъ быть прекрасною бѣсовскою ищейкою, развѣдчикомъ грѣховныхъ движеній человѣка; лично же онъ не можетъ опутать жертвы, а тѣмъ болѣе—до-

вести до конечной гибели. Настоящіе нечистики пользуются услугами ищейки, но не полагаются на дальнѣйшее сотрудничество шешки, не ищутъ ненадежной помощи его, которая, помимо собственной воли шешки и вопреки завѣтамъ бѣсовщины, можетъ быть обращена въ пользу жертвы. Нечистики смотрятъ на шешку, какъ на блажного; человѣкъ же подкупается въ пользу его ласковыми приставаніями, игривостью бѣса, считая его озорникомъ, потому что шешка внезапно подоспѣваетъ къ человѣку, дразнитъ, отвлекаетъ отъ дѣла въ дорогую минуту, хватаетъ изъ-подъ рукъ и уноситъ прочь нужные предметы, тѣшась гнѣвомъ человѣка и тратою времени, употребляемаго имъ на розыскъ пропавшаго предмета. Въ длинные досужіе вечера, когда бездѣйствіе приводитъ человѣка къ грѣховнымъ помысламъ, шешки появляются скопомъ, рѣютъ вокругъ него, заигрываютъ, пристаютъ; но изъ всего этого опаснымъ можно считать лишь возможный подступъ дѣйствующаго нечистика, вслѣдъ за которымъ пойдетъ настоящее преслѣдованіе жертвы. Понимая свою дальнѣйшую непригодность, шешки моментально стушевываются, рѣютъ и пристаютъ къ новой жертвѣ.

Такое скоповое приставанье шешекъ бываетъ относительно рѣдко, и они предпочитаютъ жить и дѣйствовать въ одиночку. Въ свою очередь, шешки любятъ приставать къ одному и тому же лицу: привычка ли то, выраженіе ли расположенности—трудно отвѣтить, такъ-какъ и сами они не понимаютъ внутренней цѣли своихъ дѣяній, дѣйствуютъ по скудоумію.

IV. К А́ С Н Ы.

По внѣшнему облику касны какъ будто меньше шешекъ, но гораздо толковѣе ихъ, болѣе настойчивы и дѣйствуютъ непремѣнно скопомъ,—что и составляетъ опасную мощь сихъ нечистиковъ. При нападеніи на жерству, они присасываются къ ней, подобно страшнымъ догамъ („піявка“), и не отстаютъ до тѣхъ поръ, пока не доканаютъ ея; а если послѣднее непосильно, они

призываютъ къ содѣйствію болѣе мощнаго нечистика. Въ то время, когда легкомысленный шешка игриво и безъ сожалѣнія отступаетъ отъ жертвы, ка́сны тѣмъ сильнѣе и злобнѣе пристаютъ къ ней, чѣмъ бо́льшее встрѣчаютъ сопротивленіе, внѣшнее препятствіе. Злоба опьяняетъ касновъ: они даже перестаютъ чувствовать воздѣйствіе спасательныхъ людскихъ средствъ—пораженіе освященными предметами. Слѣдствіемъ сего бываетъ, что отдѣльные касны гибнутъ, или увѣчатся еще во время приставаній, гибнутъ и вмѣстѣ съ жертвою, отъ которой иные не отстаютъ тогда, когда довершившіе гибель ея болѣе сильные нечистики давно отступили прочь. А это, въ соединеніи со слабою плодовитостью касновъ, ведетъ къ постепенному уменьшенію ихъ.

Ка́сны нападаютъ и томятъ жертву только стайно; одиночное приставанье ихъ почти безвредно. Когда же нападеніе сдѣлано двумя-тремя каснами, то, пока одинъ при жертвѣ, остальные спѣшатъ созвать товарищей, при чемъ всѣ они издаютъ суетливый призывный пискъ, улавливаемый жертвою лишь тогда, когда послѣдняя носитъ при себѣ „четверговую соль". Ясно, что благовременными мѣрами, при первомъ пискѣ касна, можно уйти, пока не подоспѣлъ стайный скопъ ихъ.

V. ШАТА́НЫ.

Эти нечистики владѣютъ назойливостью и неотвязчивостью касновъ, но живутъ и дѣйствуютъ особнякомъ, не дѣлясь даже намѣреніями съ другими шата́нами. Угрюмые, молчаливые, бѣсовскіе нелюдимы, шата́ны не пойдутъ на помощь къ собрату, а при нуждѣ не попросятъ на таковую и къ себѣ. Въ той же мѣрѣ, какъ они прявязчивы бываютъ къ жертвѣ, шата́ны придирчивы и къ своимъ собратьямъ, почему взаимно несносны другъ другу.

„Ни такъ шата́нъ, якъ шатаня́ты",—говоритъ присловье. Эти послѣдніе, малымъ чѣмъ отличающіеся отъ касновъ, но владѣющіе бо́льшею мощью, нападаютъ на жертву малочислен-

нымъ скопомъ, который неминуемо и губитъ ее,—нападаютъ и сами собою, и по указанію шата́на. Онъ смотритъ на производимую шатаня́тами работу—и единственная въ семъ только случаѣ улыбка озаряетъ его суровый обликъ, служа шатанятамъ бѣсовскимъ поощреніемъ. Не опьяненіе касновъ, а сатанинская услада заставляетъ шатанятъ тормошить и расправляться съ жертвою и тогда, когда послѣдняя окончательно загублена.

Къ счастью, эти нечистики, во множествѣ погибающіе во время бѣсовскихъ приставаній и отъ молніеносныхъ пораженій, слишкомъ слабо размножаются, потому что угрюмый шатанъ мало знается со своею шатанихою и терпѣть не можетъ вѣдьмъ. Эти послѣднія безнаказанно дрязнятъ шата́новъ и принуждаютъ ихъ къ невольному бѣгству,—чего никогда не дѣлается при соотвѣтственномъ отношеніи другихъ нечистиковъ.

Изъ другихъ подробностей жизни шата́новъ извѣстно, что во время долгихъ досуговъ они плетутъ лапти, или мастерятъ дорожныя палки: тѣ и другія у нихъ какъ-то скоро изнашиваются, тратятся, и ради недоконченной работы иной шатанъ не поднимется съ мѣста, пропуская жертву. Находимые въ отдаленныхъ отъ поселеній мѣстахъ лапотные „отопки" и старыя палки, несомнѣнно, оставлены шата́нами, какъ и стружки около удаленнаго пня, камня свидѣтельствуютъ о пребываніи и работѣ тутъ шата́на. Страшиться такихъ мѣстъ не сто́итъ, потому что вторично сюда не зайдетъ ни одинъ шатанъ; не заходятъ на эти мѣста и другіе нечистики просто изъ-за непріязни къ шатану.

VI. ЦМО́КИ (чмо́ки).

Подобно шата́ну, цмокъ живетъ и дѣйствуетъ особнякомъ и, подобно ему, не любимъ остальными нечистиками, но уже вслѣдствіе чванливой спеси. Благодаря природной лѣни, неподвижности отъ отучнѣнія, цмокъ не всегда откликнется на призывъ человѣка, или на призывъ къ помощи другого нечистика.

Но разъ онъ подступилъ къ жертвѣ—непремѣнно доканаетъ ее, хотя предварительно взвѣситъ, стóитъ ли она трудовъ, нарушеннаго покоя; если нѣтъ—цмокъ презрительно отворачивается отъ работы, предоставляя ее другимъ нечистикамъ.

По внѣшности цмокъ какъ-то опрятнѣе другихъ нечистиковъ, любитъ купаться, ходитъ въ баню и ежедневно умывается. Въ то же время немногіе цмоки имѣютъ какія-нибудь поврежденія, потому что вó время уходятъ отъ громовой напасти и непосильнаго столкновенія съ человѣкомъ. Предусмотрительная осторожность хранитъ бытіе цмоковъ дольше всѣхъ нечистиковъ.

Кромѣ сказаннаго, о цмокахъ извѣстно, что они рѣже пристаютъ къ простымъ деревенскимъ людямъ и что излюбленными ихъ жертвами бываютъ ханжи всѣхъ положеній, одиночники между людьми, такъ же, какъ и они сами между нечистиками. Люди семейные, или тяготѣющіе къ семейной жизни и живущіе обществомъ, свободны отъ напастей цмоковъ; къ нимъ, какъ и къ жилищамъ ихъ, цмоки не подступаютъ; зато нарушители семейныхъ и общественныхъ обязанностей—первыя ихъ жертвы.

VII. ПАРÁЛИКИ (парáлюши).

Каковы парáлики въ своемъ подлинномъ видѣ—неизвѣстно пока и самымъ опытнымъ демоновѣдамъ, за исключеніемъ, конечно, вѣдьмаковъ, вѣдьмъ, колдуновъ и колдуній. Но изъ смутныхъ свѣдѣній о парáликахъ видно, что они не воплощаются, не идутъ, подобно другимъ нечистикамъ, на зовъ человѣка въ ту-же минуту, а значительно позже, даже чрезъ годы,—что они бѣсовскіе слабосилы и что любимыми жертвами ихъ бываютъ люди выше среднихъ лѣтъ, мужчины и женщины—безразлично. Присутствіе и нападеніе вольныхъ нечистиковъ узнается какъ-то сразу; парáлики же подступаютъ исподволь, точно крадучись (подскочитъ и отступитъ, за каждымъ разомъ—все ближе), незамѣтно завладѣваютъ жертвою, которая узнаетъ ихъ воздѣйствіе

только тогда, когда они окончательно сжились съ нею и когда удалить ихъ нѣтъ человѣческой возможности.

Такъ какъ отдѣльный параликъ слабѣе всякаго бѣсовскаго послѣдыша и на единоличныя силы не полагается, то къ жертвѣ ихъ подступаетъ всегда двое-трое: тутъ они работаютъ по-смѣнно, и только при особенномъ сопротивленіи жертвы—сообща, при чемъ во всѣхъ ихъ дѣйствіяхъ замѣчается сатанинское единодушіе. Замѣчательно при семъ то, что паралики не трогаютъ души своей жертвы, не нападаютъ на нее непосредственно: они главнымъ образомъ низводятъ тѣло, а душа становится ихъ жертвою лишь попутно.

Настоящіе нечистики не завидуютъ кропотливой, часто и долгосрочной дѣятельности пара́ликовъ, хотя и признаютъ, что такую мелкую работу только и могутъ сдѣлать слабосильные, но терпѣливые паралики. Эти послѣдніе такъ увлекаются своею работою, что не останавливаются и по окончательномъ низведеніи жертвы,—что, впрочемъ, зависитъ отъ того, что пара́лики лишены возможности знать предѣлы своихъ дѣяній.

Какъ медленно подступаютъ пара́лики къ жертвѣ, такъ же медленно, съ неоднократными возвратами, они и удаляются отъ нея: то и другое неуловимо для людей.

VIII. П о в ѣ т р и к и.

Уже изъ одного имени сихъ нечистиковъ видна обстановка ихъ дѣятельности. И дѣйствительно, повѣтрики припадаютъ къ жертвѣ случайно, не ища ея, какъ и сама жертва попадается имъ налетомъ; рѣя надъ болотиною, въ глухомъ мѣстѣ, да развлекаясь бѣсовскими потѣхами, повѣтрики внезапно подхватываются съ мѣста вѣтромъ и несутся, пока не задѣнутъ попутной жертвы, не остановятся на ней. Ихъ скоковая дѣятельность тутъ непродолжительна; въ озлобленіи за прерванныя забавы, за перемѣщеніе и вслѣдствіе, быть можетъ, долгаго бездѣйствія, повѣтрики

съ ожесточенiемъ набрасываются на жертву и немедленно губятъ ее. Подобно пара́ликамъ, повѣтрики разятъ главнымъ образомъ тѣло жертвы, а гибель души кончаютъ иные нечистики. Прикончивъ работу, повѣтрики снова рѣютъ въ воздухѣ, играютъ и забавляются, пока вѣтеръ не перемѣститъ ихъ къ новой жертвѣ.

Весьма часто случается, что человѣкъ, находясь неоднократно вблизи повѣтриковъ, или вблизи бѣсовской расправы ихъ съ жертвою, не только не терпитъ, но даже и остается внѣ вниманiя этихъ нечистиковъ, въ то время, когда удаленная, кажется, обезпеченная жертва дѣлается внезапною ихъ добычею. Здѣсь все зависитъ отъ направленiя вѣтра и задержанiя его въ томъ или другомъ мѣстѣ.

Повѣтрики привлекаются къ своей спорадической дѣятельности относительно рѣдко—чрезъ неровные промежутки лѣтъ,—привлекаются скопомъ, потому что единоличная дѣятельность повѣтрика слаба и цѣли не достигаетъ. Людямъ памятны дѣянiя повѣтриковъ; касаются ли они отдѣльныхъ лицъ, семей, или цѣлыхъ обществъ—вездѣ проходитъ опустошенiе, при чемъ замѣчено, что повѣтрики разятъ въ различные сроки различные возрасты.

Гдѣ пребываютъ повѣтрики до призыва къ своей дѣятельности, на это нѣтъ положительныхъ указанiй: иные опредѣляютъ ихъ мѣстопребыванiе въ воздушной выси, другiе—въ отдаленныхъ чужеземныхъ странахъ, третьи—въ глубинѣ болотъ и багнъ.

IX. П Р А́ Х И.

Обликъ пра́ховъ и образъ дѣятельности ихъ довольно неопредѣленны, и приравнить ихъ можно развѣ къ тѣмъ неопредѣленнымъ единицамъ межъ людей, которымъ безразлично—быть при дѣлѣ, или безъ него. Въ этомъ случаѣ пра́хи—то начинающiе, то малоспособные, то празднолюбцы, то служащiе у другихъ бѣсовъ на побѣгушкахъ нечистики. Сами по себѣ они неопасны:

къ жертвѣ не пристаютъ по собственной волѣ; не всегда опасны прахи и при исполненіи порученій, потому что умѣютъ перевирать ихъ вопреки бѣсовскимъ цѣлямъ,—за что чаще другихъ нечистиковъ подпадаютъ подъ бѣсовскія расправы. Это, однако, не вразумляетъ праховъ: новое порученіе—новая неисправность, новая кара.

„На то и бѣсъ, чтобъ ему не вѣрить,“—говорятъ съ незапамятныхъ временъ: какъ ни простоваты прахи, все же они не лишены бѣсовскаго озлобленія противъ людей, спаровки вредить имъ, и полагаться на простоватость пра́ховъ—равносильно халатности, открывающей въ домъ доступъ каждому проходимцу, потому что „бѣсъ бѣсомъ и остается.“ Видно какими-нибудь опытами дознана вредоносность сихъ нечистиковъ, такъ-какъ при наивысшемъ озлобленіи, вмѣсто посылки „ко всѣмъ чертямъ,“ разгнѣванный человѣкъ часто посылаетъ своего ненавистнаго противника „ко всѣмъ пра́хамъ.“ Но гдѣ найти этихъ нечистиковъ? Отвѣтъ одинъ: тамъ, гдѣ гнушаются быть самые неразборчивые собратья ихъ и гдѣ, слѣдовательно, нѣ́тъ другихъ нечистиковъ. Трущобному мѣстопребыванію пра́ховъ, ихъ типичной захудалости въ бѣсовствѣ вполнѣ соотвѣтствуетъ и самый образъ жизни ихъ, и хотя „чертъ черту по сатанѣ родня,“ однако, многіе вольные нечистики не желаютъ признать даже свойства́ съ прахами.

X. КАДУКИ́.

Прошло сокрытое отъ людей число вѣковъ, отдалившихъ текущее время отъ перваго преступнаго дѣянія сотворенныхъ существъ, понесшихъ за то достойную кару. Въ теченіе столь долгаго срока, хотя и не убавилось количество злыхъ духовъ, несмотря на упомянутую гибель ихъ, однако, отъ первобытныхъ во вселенной преступниковъ уцѣлѣли нѣкоторыя о́соби, одиноко разсѣянныя по лицу земли: это—кадуки́. Очень возможно, что почти каждый изъ нихъ выдерживалъ неоднократное пере-

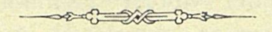
молаживанье и что отъ бѣсовской дѣятельности не произошло измѣненія ихъ существа; но, какъ угодно, многовѣковая работа и случайныя поврежденія могли наложить печать на это существо,—что и сказалось на кадука́хъ.

Считаясь первыми по времени возрожденія, на текущемъ счету кадукі́ состоятъ послѣдышами, забытыми инвалидами бѣсовства, на которыхъ не обращаютъ вниманія остальные нечистики, не обращаются ни къ ихъ опытности, ни къ ихъ помощи и ни во что ставятъ старческій авторитетъ ихъ. Отягченные всѣмъ этимъ, да сверхъ того, озлобляемые своими собратьями, кадукі́ бродятъ вдали отъ нечистиковъ и отъ своихъ немногочисленныхъ сверстниковъ. Видя же людскую правду, въ особенности, почетъ младшихъ къ старшимъ, снисхожденіе сильныхъ къ немощнымъ, кадукі́ больше остальныхъ нечистиковъ расположены къ людямъ, намѣренно не вредятъ имъ и только тогда подступятъ къ жертвѣ, когда она порочна въ людскомъ смыслѣ. Разумѣется, свою рѣдкостную работу они отправятъ съ навычною ловкостью мастеровъ, опытностью дѣльцовъ.

Люди отдаютъ подобающее уваженіе упомянутымъ особенностямъ кадуковъ, почитая ихъ справедливѣе остальныхъ вольныхъ нечистиковъ: жертвы невинной, хотя и идущей прямо въ руки кадуковъ, они не тронутъ, а въ отдѣльныхъ случаяхъ даже не допустятъ къ ней и другихъ нечистиковъ; эти послѣдніе страшатся вмѣшательства кадуковъ и тѣмъ жесточе ненавидятъ ихъ.

Какъ не страшна людямъ дѣятельность кадуковъ, такъ же не пугаетъ людей и матеріальный обликъ ихъ. Если каду́къ не лишился предательскихъ особенностей бѣсовства—роговъ, хвоста и др., послѣдніе давно скрыты подъ многовѣковыми наслоеніями вещественныхъ прилиповъ. Благодаря сему, кадукъ похожъ издали на копну сѣна, или ворохъ мха, могущіе пугать развѣ своимъ непривычнымъ для людей движеніемъ. Неразумныя животныя, не страшатся, однако, такой копны и вороха: одни изъ нихъ безнаказанно общипываютъ и ѣдятъ прилипы, другіе вьютъ

гнѣзда и выводятъ дѣтенышей въ мягкихъ наростахъ сѣна, мха, пуха, листьевъ, которыми такъ обильно наслоена кожа кадуковъ.

В. Человѣкоподобники.

О происхожденіи человѣкоподобниковъ, второстепенныхъ представителей нечистой силы, существуетъ два весьма близкихъ другъ къ другу сказанія, а именно: послѣ паденія сатаны, его единомышленники, свергаемые съ неба, попадали въ разныя мѣста на землѣ—въ людскіе дома (?) и усадебныя зданія, на поля и луга, въ лѣса, въ воду, въ болота, и только немногіе повисли надъ землею, въ воздушномъ пространствѣ, чему отчасти способствовала предохранительная поддержка раньше падавшихъ бѣсовъ. Не коснувшіеся земли бѣсы составили отдѣлъ вольныхъ повсюдниковъ, о которыхъ только-что закончены сводныя сказанія; остальные же своимъ прикосновеніемъ къ землѣ и упомянутымъ мѣстамъ остались навсегда на этихъ же мѣстахъ, при чемъ, кто изъ нихъ зашибъ голову до желваковъ, у того послѣдніе развились въ рога, кто увѣчилъ позвонокъ, у того отросталъ хвостъ, кто разбивалъ пальцы, локти и колѣни, у тѣхъ зашибленныя мѣста оттѣнились крючковатыми наростами, давшими впослѣдствіи когти; расплющенные ножные пальцы слились въ одинъ, образовавшій копыто. Болѣе дюжія óсоби скоро оправлялись отъ поврежденій и ушиба и примыкали къ вольнымъ повсюдникамъ; остальные принуждены были оставаться на мѣстѣ паденія, гдѣ потомъ и застали ихъ люди. Обласканные послѣдними, какъ органическіе немощники, и даже пріюченные ими, войдя чрезъ то въ нѣкоторую связь со своими покровителями и предметами имъ обиходности, эти нечистики съ теченіемъ времени обезвредили свои отношенія къ людямъ, а иные стали и благодѣтельствовать имъ, какъ напр., усадебные нечистики.

По другому сказанію, человѣкоподобники есть несчастные, но гордые строители Вавилонской башни, дерзнувшіе проникнуть

въ тайны неба и мечтавшіе прославить себя въ отдаленномъ потомствѣ. Гордыня навлекла вполнѣ заслуженную кару: проклятые строители обезсмертились въ иномъ значеніи; но гдѣ застало ихъ проклятіе, тамъ они навсегда и остались—въ домѣ, въ усадебномъ строеніи, въ полѣ, въ лѣсу, въ водѣ, на болотѣ. Съ того времени эти человѣкоподобники значительно измѣнились въ существѣ, а путемъ разныхъ смѣшеній пріобрѣли духотворческую особенность, т. е. возможность снимать и снова получать матеріальный обликъ человѣка, хотя общія знанія ихъ и уровень развитія остались тѣми же, какими были въ моментъ кары. И сами человѣкоподобники, и люди не забываютъ отдаленной родственной связи другъ съ другомъ, при чемъ люди поддерживаютъ союзныя отношенія со многими изъ нихъ, не страшась гибельныхъ послѣдствій союза съ нечистою силою.

Есть и еще одно сказаніе о происхожденіи человѣкоподобниковъ, по которому они являются плодами сношеній повсюдныхъ нечистиковъ съ порочными женщинами, почему и имѣютъ двойное существо, способность воплощаться. Послѣ гнуснаго рожденія эти выродки приставляются къ дому и семьѣ, съ которою имѣютъ кровное родство, чтобы наблюдать здѣсь за намѣченными жертвами и вести ихъ къ гибели. Ожиданія не оправдываются: по родственной связи, приставники сравнительно меньше вредятъ дому и семьѣ, чѣмъ того требуетъ бѣсовская догма, а нерѣдко и благодѣтельствуютъ имъ. Бѣсовскій отецъ приставника не можетъ преслѣдовать своего отступническаго выродка, огражденнаго людскимъ вниманіемъ и довольно безстрашно обращающагося съ нѣкоторыми освященными предметами семейной обиходности. Проклявъ взаимно другъ друга и обѣщая месть, отецъ порываетъ съ выродкомъ всякія сношенія. Смѣняется семья, въ кругу которой выродокъ родился о возросъ, и онъ обращается въ зауряднаго человѣкоподобника, какъ предокъ, оберегающаго потомство, служитъ ему покровителемъ и благодѣтелемъ.

Только непрерывное единеніе человѣкоподобника съ домомъ и людьми ставитъ его въ покровители и благодѣтели; но чѣмъ

дальше онъ отстоитъ отъ того и другихъ, тѣмъ больше дичаетъ его натура, тѣмъ больше у него бѣсовства, такъ что, напр., какой-нибудь болотникъ является уже чистѣйшимъ бѣсомъ со всѣми демоническими свойствами. Въ той постепенности, въ какой человѣкоподобники отстоятъ дальше и дальше отъ дома и людей, послѣдуютъ и сводныя сказанія о каждомъ изъ нихъ.

(Усадебные нечистики).

XI. ДОМОВЫЕ (домовикѝ, до́мники).

У домовика только одна жена. За смертью ея, онъ можетъ жениться до четырехъ разъ, но не на родственницахъ, иначе онъ обязанъ оставить домовую службу и поступить, примѣрно, въ лѣшіе, водяные, болотники. Отъ своей всегда безличной жены домовикъ имѣетъ сыновей и дочерей. По достиженіи возраста, сыновья обыкновенно поступаютъ въ домовые другихъ новоотстроенныхъ домовъ; дочери же выдаются замужъ за домовыхъ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ остаются дѣвственницами навсегда. Въ семъ случаѣ онѣ вѣчно юныя красавицы, чѣмъ и изводятъ домашнихъ парней: склоняя въ связь съ собою, но въ то же время будучи неуловляемыми, домовички требуютъ вѣрности только себѣ однѣмъ и немилосердно мстятъ парнямъ при нарушеніи вѣрности, даже и тогда, когда сами онѣ начали новую связь. Домовые справляютъ свадьбы своихъ дѣтей, смотря по дому, гдѣ живутъ, то богато, то скромно, при чемъ стараются пріурочить ихъ къ свадьбамъ хозяйскихъ дѣтей, дабы не тратиться отдѣльно на музыкантовъ; въ подобномъ соотвѣтствіи они надѣляютъ дочерей приданымъ. Время ѣды, сна и работы домовые опять же распредѣляютъ примѣнительно къ принятому въ домѣ распорядку.

Такимъ образомъ, изъ помина о семейной и обыденной жизни домового видно, что эта жизнь есть двойникъ жизни даннаго дома и семьи; но и самъ домовой—безспорный двойникъ хозяина,—что сказывается въ нижеслѣдующемъ. Ввиду того,

что безъ домового обойтись нельзя и что онъ не всегда обнаружитъ свое пребываніе въ домѣ, предусмотрительный хозяинъ старается призвать его. Призывъ происходитъ въ Пасхальную полночь, когда семьяне въ церкви, приблизительно такъ: „выба́чь (извини), дѣ́дька (или братокъ) за турбацію (тревогу), али́ тольки приди ко мнѣ ни зе́ленъ, якъ листина, ни синь, якъ волна на водѣ, ни понуръ, якъ вовкъ; приди такей, якъ я самъ!“ Явится двойникъ зовущаго—человѣкъ того же роста, склада и въ тождественной одеждѣ, который прежде всего обусловливаетъ тайну свиданія: ни на яву, ни во снѣ, ни отцу, ни матери, ни на исповѣди зовущій не долженъ выдавать этой тайны, подъ опасеніемъ, что домовой не только прекратитъ посылку добра, но и сожжетъ домъ, которому будетъ благодѣтельствовать. Иные домовики обусловливаютъ, что ихъ гнѣвъ и месть продлятся до четвертаго хозяйскаго поколѣнія; всѣ же они мстятъ вѣроломному хозяину, почему-либо отступившемуся отъ нихъ, да и за всяческое оскорбленіе отъ домашнихъ гнѣваются и взыскиваютъ не съ обидчика, а съ хозяина.

Какъ очевидно, призывъ домового налагаетъ довольно тяжкія обязательства; посему, гораздо лучше не прибѣгать къ призыву и, для успокоенія себя, наблюдать, есть онъ въ домѣ, или нѣтъ, а это можно опредѣлить по домашнимъ благополучіямъ и неблагополучіямъ. Да и не во всякій домъ войдетъ призываемый домовикъ, хотя и потребуетъ выполненія упомянутыхъ условій, а только въ тотъ, который пришелся ему по нраву и вкусу,—что сказывается, напр., при переходѣ хозяевъ въ новый домъ: какъ бы ни склоняли его къ переходу, онъ остается въ старомъ домѣ, пока тотъ не разрушится, и тогда перемѣщается въ избранный, къ новымъ хозяевамъ, но не родственнымъ прежнему, все время негодуя на оставившихъ его сожителей и мстя имъ. При обратномъ положеніи дѣла, домовой—благодѣтельный слуга дома, которому достаточно лишь высказать вслухъ свои желанія, но безъ свидѣтелей. Тогда онъ проявляетъ необыкновенную дѣятельность и чуть не ежечасно проситъ работы,—что, повиди-

мому, такъ необычно въ этомъ увальнѣ: онъ чиститъ, моетъ стѣны и мебель, справляетъ работы наиболѣе любимыхъ имъ лицъ—шьетъ, прядетъ, стираетъ, мелетъ, производя работу по ночамъ; тогда онъ завиваетъ любимчикамъ кудри, плететъ косы, отгоняетъ отъ спящихъ насѣкомыхъ и проч. Въ то же время домовикъ караулитъ домъ и добро, предостерегаетъ о грядущихъ несчастьяхъ—пожарѣ, воровствѣ, или болѣни, то особымъ стукомъ, то смѣхомъ или плачемъ, то глаженьемъ головы и лица спящаго, то появленіемъ животнаго. Больше всего онъ оберегаетъ отъ вольныхъ нечистиковъ, съ которыми даже дерется. Усиленный стукъ домовика, его плачъ и стонъ пророчатъ обыкновенно болѣзнь въ домѣ, появленіе же въ своемъ подлинномъ видѣ—смерть хозяина. Кстати дополнить: при всѣхъ случаяхъ своихъ сношеній онъ вѣдается съ хозяиномъ и семейными мужчинами, и только наиболѣе красивыя семейныя женщины пользуются незначительнымъ его вниманіемъ.

За всѣ безкорыстные труды домовикъ требуетъ отъ покровительствуемыхъ всегдашняго почтенія и того, чтобы они не забывали благодѣтеля въ торжественные для семьи дни. Признательные хозяева чествуютъ домовика просьбою пожаловать за столъ (въ поминальные дни), постилая ради его чистую холстину отъ порога до стола; подобное, но безмолвное приглашеніе дѣлаютъ они и при крестинномъ, свадебномъ, гостиномъ сборѣ. Какъ въ сихъ случаяхъ, такъ и при будничномъ употребленіи, имя домовика произносится ласково, заискивающе—„дѣденька, дяденька, братокъ, самый нáбольшій“.

Какъ пожилой человѣкоподобникъ, какъ „набольшій“ въ домѣ, домовикъ капризенъ, даже привередливъ, и не мирится съ тѣмъ, что идетъ противъ его воли, вкусовъ и привычекъ. Такъ онъ не выноситъ присутствія въ домѣ зеркалъ, масокъ, скоморошныхъ сборищъ; не любитъ, когда у порога лежитъ какой-нибудь предметъ, а тѣмъ болѣе—живое существо,—что мѣшаетъ его переходамъ изъ хаты въ сѣни, и обратно. Тогда онъ начи-

паетъ проказничать и тѣмъ предостерегаетъ жильцовъ отъ своего дальнѣйшаго гнѣва: ночью сваливаетъ всю посуду въ лохань, перемѣщаетъ стряпные и утварные предметы, поставивъ, напр., кочергу и ухваты въ кутъ, скамьи и табуреты—въ порожній уголъ, или же все это сваливаетъ грудою подъ лавку, подъ нары, въ подпечье, при чемъ оставляетъ нетронутыми иконы, хлѣбъ и соль на столѣ. Нѣчто подобное дѣлаетъ домовикъ и во время своихъ подшучиваній и заигрываній съ жильцами, выражая тѣмъ свое расположеніе: толкаетъ, даже щиплетъ спящихъ, отчего у нихъ бываетъ немало синяковъ, которые, однако, не болятъ. Особенно часто онъ подшучиваетъ надъ супругами и любуется временными ихъ распрями, ради чего незримо подбавляетъ въ ихъ пищу и питье „раздорное зелье". При игривомъ, какъ и при безразличномъ состояніи, домовикъ любитъ рядиться въ одежду хозяина, которую, однако, спѣшно кладетъ на мѣсто, коль скоро она понадобится.

Хотя человѣкъ привыкъ считать домового духомъ-нечистикомъ, правда, не имѣющимъ принадлежностей нечистика—роговъ, когтей, крыльевъ,—однако, онъ способенъ принимать образы одушевленныхъ предметовъ, но только мужскихъ, при чемъ тутъ не бываетъ смѣшаннаго сочетанія отдѣльныхъ частей (собачья голова, козье туловище, куриныя ноги). Чаще всего домовикъ принимаетъ человѣческій видъ; тогда онъ—плотный, средняго роста мужчина, съ полусѣдою, лопатистою бородою, съ красивымъ, добродушнымъ лицомъ, голубыми открытыми глазами; волосы на головѣ вразсыпную, частью спускающіеся на лобъ; за исключеніемъ пространства вокругъ глазъ и носа, все тѣло его, даже ладони и подошвы, покрыты, точно пушкомъ, мягкою шерстью; вполнѣ человѣческіе ногти его нѣсколько длинны и какъ-то особенно холодны,—что ощущается, когда домовой гладитъ, и что не сочетается съ ласкающимъ ощущеніемъ бархатистой ладони его. Иногда же онъ—глубокій старикъ, въ ростъ пятилѣтняго ребенка, съ морщинистымъ лицомъ, бѣлою какъ снѣгъ бородою, сѣдо-желтыми волосами на головѣ, съ фосфори-

ческимъ блескомъ глазъ, отъ которыхъ идутъ въ стороны свѣтовыя полосы. Въ томъ и другомъ возрастѣ домовикъ есть первостатейный щеголь.

Обычнымъ мѣстопребываніемъ домового считается запечный уголъ, откуда онъ заходитъ въ подполье (подъ нары), въ подпечье, гдѣ коротаетъ досугъ съ мышами и курами; излюбленнымъ же мѣстомъ его въ запечномъ углу служитъ именно линія соединенія запечныхъ стѣнъ, всегда приходящихся противъ кута, откуда онъ надзираетъ за семьею во время полнаго сбора ея при ѣдѣ, семейной радѣ, пріемѣ гостей, для чего онъ высовывается надъ поверхностью печи по грудь. Внѣ этой надобности домовой спускается на самый низъ запечнаго угла, гдѣ обыкновенно дремлетъ.

Кромѣ мѣстъ въ хатѣ, домовой ютится въ сѣняхъ, на чердакѣ и въ клѣти, когда въ сихъ мѣстахъ лѣтнею порою больше пребываетъ и семья. Тутъ онъ присѣдаетъ на жердочку, на пологъ, на молочную „скрыню", на жерновный поставъ, или же на вколоченный въ стѣну деревянный крюкъ. Гдѣ ни помѣстился бы домовой, онъ будетъ сидѣть въ неподвижномъ забытьѣ, изъ котораго, какъ человѣкоподобника, не выводятъ: ни пѣнье пѣтуховъ, ни молитвенные возгласы людей, ни метанье предметовъ съ мѣста на мѣсто, ни даже обращеніе къ нему. И только тогда онъ уклонится слегка въ сторону, когда метаемый предметъ особенно грязенъ, какъ, напр., снятые съ ногъ лапти, онучи, или грязный голикъ, укрываемый на время отъ людского взора.

Есть исключительныя положенія дома и семьи, когда домовикъ часто и подолгу удерживаетъ принятый человѣческій видъ. Тогда, примѣнительно ко времени года и погодѣ, онъ носитъ то теплую, то легкую одежду, по праздникамъ смѣняетъ будничную одежду. Но и лѣтомъ и зимою онъ ходитъ босикомъ, безъ шапки; эту послѣднюю домовой одѣваетъ только передъ смертью хозяина, когда временно присѣдаетъ на его мѣсто, за его работу. Призывавшій домового раньше теперь видитъ его вторично

совершенно такимъ, какимъ видѣлъ и въ первый разъ. Остается ли въ домѣ достойный замѣститель умирающаго хозяина, или нѣтъ, домовой не выразитъ скорби, не перестанетъ благодѣтельствовать до тѣхъ поръ, пока къ нему будутъ сохраняться начатыя отношенія; но если въ управленіе домомъ вступила женщина, и оно затягивается, домовой ослабляетъ свою благодѣтельную дѣятельность, а нерѣдко и совершенно прекращаетъ ее, оставаясь лишь свидѣтелемъ упадка благополучій дома.

Сношеніе съ домовымъ не считается преступнымъ въ той мѣрѣ, какъ сношеніе съ другими нечистиками, и получаемое при содѣйствіи его добро не идетъ прахомъ. Однако же, это сношеніе оттѣняетъ человѣка: онъ становится задумчивымъ, молчаливымъ, или говоритъ кратко, больше риѳмою,—тѣмъ безтолковѣе, чѣмъ глубже сношеніе,—уединяется и кончаетъ, или сумасшествіемъ, или самоубійствомъ.

Домовой „отъ чертей отсталъ—и къ людямъ не присталъ“ (или наоборотъ: отъ людей отсталъ—и къ чертямъ не присталъ): онъ живетъ по старинѣ незапамятной, мыслитъ и смотритъ на все такъ, какъ это было въ моментъ превращенія; то же наслѣдуютъ и его сыновья. Посему домовой не уживается съ новшествами, а ютится и благодѣтельствуетъ тамъ, гдѣ живутъ проще, постаринѣ.

Сколько времени живутъ домовые—никому неизвѣстно, хотя всякій знаетъ, что единственная гибель ихъ отъ громовыхъ ударовъ возможна тогда, когда самъ онъ, въ семъ случаѣ весьма осторожный, почему-либо сплошалъ. Какъ и всѣ нечистики, пораженный домовой обращается въ прахъ, при чемъ даже дѣти не собираются оплакивать отца.

XII. ХЛѢВНИКИ́.

Многіе не отдѣляютъ домового отъ хлѣвника, считая, что въ домѣ и въ хлѣву дѣйствуетъ одинъ и тотъ же домовой,

смотря по волѣ и обстоятельствамъ, то временно перемѣщающійся туда и сюда, то исключительно отдавшій себя на служеніе въ домѣ, или въ хлѣву. Это несправедливо: въ то время, когда въ домѣ благополучно рождаются, подвоспитываются и брачатся дѣти, исправно идутъ работы, слѣдуетъ притокъ добра за добромъ, почетъ за почетомъ, плохо разводится скотъ, болѣетъ, падаетъ, нѣтъ въ немъ ни силы, ни тука. Это значитъ, что домовой покровительствуетъ, а хлѣвника или вовсе нѣтъ, или онъ дѣйствуетъ во вредъ хозяйству, будучи доведенъ до сего хозяйскою выходкою, личнымъ неудовлетвореннымъ капризомъ. Такъ двоиться въ дѣятельности не въ состояніи одинъ и тотъ же близкій къ человѣку человѣкоподобникъ, который только и можетъ быть: или покровителемъ дома, или его ненавистникомъ.

Правда, домовой и хлѣвникъ весьма похожи другъ на друга характеромъ, странностями, привычками, оба стараются благодѣтельствовать данному хозяйству; но въ проявленіи благотворной дѣятельности того и другого сейчасъ видна рознь этихъ человѣкоподобниковъ, сошедшихся такъ близко, но, кстати, даже не знающихъ другъ друга: домовой не пойдетъ въ хлѣвъ, хлѣвникъ—въ домъ; каждому въ своей области достаточно работы.

Главнымъ образомъ хлѣвникъ вѣдается съ хозяйскими лошадьми (коневникъ) и коровами, весьма рѣдко—съ овцами и никогда—съ козами и свиньями, едва перенося ихъ присутствіе въ хлѣву. Лѣтомъ и зимою хлѣвникъ безвыходно остается въ хлѣву, занимая здѣсь или задній хлѣвной уголъ, или взбирается на балку, на куриную нашесть, откуда надзираетъ за скотомъ, каждый разъ подходя къ хлѣвному порогу при отправленіи скота въ поле и при возвращеніи его въ хлѣвъ. Впрочемъ, наиболѣе любимое животное хлѣвникъ сопровождаетъ иногда до самаго мѣста его отлучки, даже остается при немъ чуть не до возврата животнаго домой. Когда же во время навозной толоки, или поврежденія хлѣва, скотъ загоняется въ другое хозяйственное строеніе, въ полевую загорожу, и ночуетъ тамъ, хлѣвникъ

слѣдуетъ за скотомъ и занимаетъ свои обычныя мѣста—уголъ, балку, или жердочку.

Полюбилъ хлѣвникъ хозяевъ, пришелся ему по нраву подборъ масти животныхъ—онъ холитъ и чиститъ каждую скотину, а лошадямъ даже заплетаетъ гривы и хвосты, носитъ любимчикамъ воду домашними ведрами, тайкомъ подхваченными изъ сѣней и изъ подъ навѣса, утучняетъ кормъ, не допускаетъ до обиды однихъ животныхъ другими и проч. Въ противномъ случаѣ онъ войлочитъ, даже выщипываетъ шерсть, гривы и хвосты скручиваетъ въ колтуны, тревожитъ ночью, галопируя на животномъ по хлѣву, до упадка силъ животнаго. Больше всего достается нелюбимой лошади: на ней хлѣвникъ выѣзжаетъ на дворъ, въ гумно, дѣлаетъ нѣсколько концовъ по деревнѣ, проскачетъ верстъ пятокъ по дорогѣ, или по полю, и за одну только ночь уходитъ ее такъ, что лошадь спадетъ съ тѣла. Кромѣ того, онъ отталкиваетъ животное отъ корма и пойла, или переноситъ ихъ къ любимчику, который такимъ образомъ откармливается на счетъ нелюбимаго. Это послѣднее тощаетъ, изводится; самки сбрасываютъ, новорожденныя бываютъ съ искривленіями, органическими пороками.

Во всѣхъ такихъ сношеніяхъ съ животными хлѣвникъ остается невидимымъ и только изрѣдка объявляется въ видѣ съежившагося, морщинистаго захудальца: кажется, будто остовъ мальчика помѣщенъ въ кожу взрослаго человѣка. Хотя этотъ человѣкоподобникъ и можетъ дѣйствовать впотьмахъ, однако, онъ обходитъ скотъ, дѣлаетъ распорядки при свѣчѣ, дающей синій цвѣтъ пламени, которую зажигаетъ постаринному—кресивомъ и трутомъ.

Хлѣвникъ разборчивъ во вкусахъ: иной не любитъ вороныхъ, иной сѣрыхъ, иной двоежильныхъ лошадей; всѣ же они терпѣть не могутъ пѣгихъ (стрыкатыхъ, лапленыхъ): на послѣднихъ онъ обыкновенно въѣзжаетъ въ хлѣвъ, если только доселѣ не было его тамъ и—портитъ весь скотъ. Кое-какъ сживаясь съ

пребываніемъ козы, хлѣвникъ не терпитъ козла (самца), и если желательно вывести хлѣвника, такъ стóитъ помѣстить совмѣстно со скотомъ козла, привѣсивъ здѣсь же (въ конюшнѣ) убитую сороку. Хлѣвникъ рѣшительно не выноситъ послѣдней: когда она часто садится на хлѣвъ и щебечетъ, выдавая тѣмъ пребываніе хлѣвника, то послѣдній впадаетъ въ изступленіе и начинаетъ вредить любимѣйшимъ животнымъ, а наконецъ и совсѣмъ уходитъ изъ хлѣва. Въ тѣхъ единичныхъ случаяхъ, когда хлѣвникъ потревожилъ скотъ ночью, въ шутку, или по внезапному гнѣву, его можно остановить пристыженіемъ: войдя тайкомъ въ хлѣвъ со скрытою, но незажженною громничною свѣчою, при первомъ шорохѣ, поднять свѣчу и укоризненно сказать, что „я вижу продѣлки и нахожу ихъ неприличными“.

Подобно тому, какъ не произносится подлинное имя домового, при такомъ или иномъ домашнемъ поминѣ о хлѣвникѣ, не выговаривается и его имя. Мало того: всяческая осторожность возбраняетъ смотрѣть въ уголъ, на балки и шесты, гдѣ предполагается помѣщеніе хлѣвника; въ случаѣ надобности стронуть балку, жердь, необходимо предварительно назвать эти предметы, чтобы тѣмъ предупредить хлѣвника, который иначе съ просонья (лучше—дремы) можетъ надѣлать немало бѣдъ.

Сроки жизни, какъ и возможная гибель хлѣвника одинаковы со сроками и гибелью домового; но хлѣвникъ старѣетъ и разлагается отъ пребыванія въ грязно содержимомъ хлѣву какъ-то скорѣе домового; особенно онъ много терпитъ отъ паразитовъ, пристающихъ къ нему отъ животныхъ: если хлѣвникъ не дремлетъ, такъ немилосердно теребится, скидывая паразитовъ и кору отъ навозныхъ прилиповъ, при чемъ покровъ его лысѣетъ, какъ это бываетъ у зануженныхъ животныхъ. Если хлѣвъ содержится неряшливо и недостаточно защищенъ, хлѣвникъ больше сидитъ въ своихъ притонныхъ мѣстахъ и скотомъ мало занимается: тогда и наиболѣе любимыя имъ животныя остаются безъ его ухода, грязнѣютъ, зануживаются вмѣстѣ съ патрономъ. Повальный скотской падежъ есть или месть хлѣвника, занося-

щаго заразу, или необходимая жертва при гибели его. Гдѣ такимъ образомъ погибъ хлѣвникъ, тамъ никогда не разведется скотъ.

XIII. ГУМЕ́ННИКИ (ЁВНИКИ, ОСЕ́ТНИКИ), ПУ́ННИКИ И БАННИКИ (ЛА́ЗНИКИ).

Приведенными именами усадебныхъ человѣкоподобниковъ достаточно опредѣляется мѣстонахожденіе и область дѣйствій ихъ, какъ и то́, что они стоятъ нѣсколько дальше отъ человѣка и рѣже двухъ предыдущихъ приходятъ съ нимъ въ соприкосновеніе. Недостаточно знакомые со складомъ и характерными особенностями сихъ человѣкоподобниковъ принимаютъ ихъ за единоличное усадебное существо. Но это несправедливо уже потому, что человѣкоподобники слишкомъ тѣсно связаны съ мѣстомъ дѣятельности, не покидаютъ его даже ради сношеній другъ съ другомъ; съ другой стороны, одинъ и тотъ же человѣкоподобникъ не можетъ отправлять раздѣльной дѣятельности, обращаться съ раздѣльными предметами,—что можно было видѣть изъ повѣсти о домовыхъ и хлѣвникахъ. Общимъ у сихъ человѣкоподобниковъ можно считать развѣ только благотворное, или отрицательное служеніе человѣку, да тотъ неряшливый видъ, какой они обыкновенно имѣютъ отъ грязи, копоти и пыли.

Евникъ или осе́тникъ ютится въ овинной сушильнѣ, гдѣ неизмѣнно понуро сидитъ въ углу—или запечномъ, образуемомъ соединеніемъ запечныхъ стѣнъ, или на самомъ печномъ рогу, выступающемъ на средину сушильни, или на сушильной жердочкѣ, и только изрѣдка подходитъ къ сушильному окну, чтобы выхаркнуть пыль и копоть; еще рѣже переступаетъ онъ порогъ сушильни, чтобы осмотрѣть токовище, склады сноповаго хлѣба, направить или отклонить вѣтеръ, необходимый во время провѣванія хлѣба, посмотрѣть на молотьбу и работающихъ въ овинѣ. Въ тѣхъ случаяхъ, когда въ овинъ заходятъ ненужныя здѣсь лица, ёвникъ появляется въ разныхъ мѣстахъ овина и выпуги-

ваетъ пришедшихъ; если же въ овинъ прибылъ ненавистникъ ёвника, послѣднiй дѣятельно слѣдитъ за нимъ, выжидая минуты потревожить его сонъ, затмить дымомъ, уморить угаромъ и даже сжечь вмѣстѣ съ овиннымъ добромъ.

При миролюбивомъ отношенiи, ёвникъ заботится о правильной топкѣ сушильной печи, о надлежащей сушкѣ сноповъ и зерна, не ломаетъ соломы, посылаетъ нужный для вѣянья сквозникъ, регулируетъ провѣваемое зерно, правильно наслояя мякину, отбросы, отборное зерно; словомъ—помогаетъ, споритъ работу. Въ тѣхъ случаяхъ, когда овинная сушильня служитъ для сушки и первоначальной обработки пеньки и льна, ёвникъ также дружелюбно служитъ при мялкѣ и трепалкѣ, хотя и тревожно перемѣщается, такъ какъ не переноситъ смрада отмоченной и отлежавшейся пеньки и льна. Весьма нравится также ёвнику, когда сушильня замѣняетъ баню: тутъ у него есть единственная возможность смыть копоть и пыль, при чемъ онъ видитъ людей въ томъ естественномъ видѣ, въ какомъ знавалъ въ незапамятные дни своего человѣчнаго бытiя.

Когда ёвникъ принимаетъ вещественный образъ, онъ все-таки остается неуловляемымъ для обстоятельнаго описанiя: человѣкъ видитъ предъ собою человѣкоподобную массу, гдѣ копоть, пыльныя нити паутины, мякинные и другiе прилипы, а также овинный полумракъ не даютъ возможности разобрать отдѣльныхъ формъ. Но ёвникъ рѣдко и ненадолго принимаетъ вещественный образъ, большею частью оставаясь обычнымъ невидимкою.

Евникъ не боится обыкновеннаго огня, и овинный пожаръ, по людской неосторожности, мало тревожитъ его: выйдя изъ своего притока за овинную черту, онъ спокойно наблюдаетъ за происходящимъ, а по окончанiи пожара и по уходѣ людей, забирается въ печь, на обгорѣлое бревно и тутъ ютится, пока не отстроится новый овинъ, куда немедленно и переходитъ. Нѣсколько иначе съ пожаромъ отъ молнiи: тутъ нерѣдко совершенно гибнетъ ёвникъ, благодаря внезапности громового удара,

невидимаго мрачнаго притона, и тому наслоенію мякинной пыли, которая легко воспринимаетъ пламя. Пораженный ёвникъ сгораетъ, не оставляя послѣ себя ни пылинки. Если это произошло съ однимъ ёвникомъ, другой не пойдетъ въ овинъ, отстроенный на томъ же мѣстѣ: овинъ остается безъ ёвника.

Пунникъ не загрязненъ такъ, какъ ёвникъ, по крайней мѣрѣ, на немъ нѣтъ копотнаго наслоенія, хотя и есть вдоволь пыли и мусора отъ сѣна и трухи; также онъ покрытъ запыленными нитями паутины. Все это затрудняетъ подробное разсмотрѣніе пунника, когда тотъ принимаетъ вещественный образъ: видится человѣкоподобной формы масса, въ которой скорѣе можно признать охапку мелкаго, загрязненнаго сѣна, чѣмъ живое существо. Какъ и ёвникъ, онъ принимаетъ матеріальный обликъ весьма рѣдко, пока въ пунѣ есть сѣно; обыкновенно же онъ незримо торчитъ на стропильныхъ перекладинахъ, надзирая за приходящими въ пуню, споритъ или изводитъ сѣно, любуется сценами игръ и столкновеній собирающейся сюда людской молодежи, тѣшится кошачьими взвизгами, вознею ихъ, ловлею мышей, и терпѣть не можетъ гнѣздъ и выводковъ вольныхъ птичекъ. Ребятишекъ и одиночныхъ посѣтителей пунникъ обыкновенно пугаетъ неестественнымъ аханьемъ, храпомъ и свистомъ, или жалобнымъ воемъ чрезъ щели и многочисленныя отверстія пуни,—что, въ свою очередь, доставляетъ ему немалое удовольствіе.

Пунникъ ютится не только въ усадебной, но и въ отдаленной луговой или лѣсной пунѣ, лишь бы она имѣла крышу и стропильныя перекладины: всякая мокрота, въ томъ числѣ и отъ дождя сквозь крышу, дѣйствуетъ на пунника разрушительно—онъ медленно хирѣетъ, хотя и не доходитъ до окончательной гибели; послѣдняя возможна только при громовомъ ударѣ да при неосторожныхъ движеніяхъ пунника во время выхода изъ пуни, когда послѣдняя зажжена молніей. Подобно ёвнику, онъ обращается тогда въ безслѣдный прахъ.

Ла́зникъ гораздо злѣе помянутыхъ усадебниковъ и терпѣть не можетъ праздныхъ, а тѣмъ болѣе—несвоевременныхъ посѣтителей, которыхъ распугиваетъ неестественнымъ храпомъ, шипѣньемъ, поименнымъ зовомъ, визгомъ, стукомъ въ стѣну, ворочаньемъ камней на банной каменкѣ, хохотомъ и проч. Этотъ послѣднiй злораденъ и сопровождаетъ выпугиванiе запоздалыхъ въ банѣ женщинъ, принужденныхъ убѣгать нагишомъ. Но отъ выпугиванiй ла́зника несвободны и всѣ, кто вздумалъ бы мыться въ банѣ позже полночи: онъ бросаетъ въ моющихся мусоромъ, даже камнями и, при остромъ случаѣ, можетъ губить нарушителя покоя.

Не мало злобнаго безпокойства доставляетъ лазнику первоначальная обработка пеньки и льна—мятье и трепанье—какъ и предварительная сушка ихъ въ самой банѣ, когда ла́знику приходится переносить смрадъ и пыль отъ перетлѣвшей кострики и зловонной слизи обрабатываемыхъ предметовъ. Хуже всего, что эти предметы остаются въ банѣ подолгу: это еще больше озлобляетъ ла́зника противъ посѣтителей, которымъ онъ мститъ баннымъ пожаромъ, какъ извѣстно, чаще другихъ повторяющихся среди усадебныхъ построекъ.

Евники или осе́тники, пу́нники и ла́зники—непрошенные усадебные человѣкоподобники, гости, безъ которыхъ легко обойтись; а потому, при переходѣ на новь, въ новоотстроенныя зданiя, ихъ обыкновенно не приглашаютъ, подобно домовымъ и хлѣвникамъ: они сами набѣгаютъ сюда. Но, скучая относительною бездѣятельностiю, назойливостью неумѣстныхъ и несвоевременныхъ посѣтителей, эти человѣкоподобники иногда внезапно оставляютъ строенiе, гдѣ проживали. Такой выходъ нечистика сопровождается гибелью или разоренiемъ оставленнаго прiюта: послѣднiй сгораетъ, разрушается бурею, или въ немъ проваливается крыша, потолокъ, печка, кривится стѣна. Какъ ни разорительно это для даннаго хозяйства, несчастье покрывается надеждою, что въ исправленное зданiе нечистикъ уже не войдетъ снова и что въ немъ не будетъ прежнихъ тревогъ.

XIV. ПОЛУНОЧНИКИ И ЕРЕТНИКИ.

Полуночники и еретники повсюдны въ усадебныхъ строеніяхъ: гдѣ пребываетъ человѣкъ, тамъ есть и они, несмотря на присутствіе помѣстныхъ усадебныхъ нечистиковъ, которые, правду сказать, не могутъ ладить съ этими озорниками среди усадебныхъ человѣкоподобниковъ. Полуночники начинаютъ свою озорническую дѣятельность во время общаго людского покоя, ночью, и проявляютъ ее дикими возгласами человѣка, фальшивою просьбою о помощи, свистомъ и ревомъ бури, страннымъ хохотомъ или плачемъ. Все это дѣлается снаружи помѣщенія, гдѣ расположился человѣкъ, и тѣмъ оно несноснѣе, что застаетъ покоящагося при первомъ снѣ, прерывая и послѣдующій ночной отдыхъ его,—что приблизительно длится отъ 11 час. вечера до 3 час. утра.

Гдѣ притонное становище полуночниковъ и каковъ ихъ обликъ—доселѣ никому не удавалось узнать, хотя въ темнотѣ нерѣдко свѣтится то одинъ, то оба глаза полуночника, немленно укрывающагося отъ преслѣдованія; но, по быстрому движенію полуночниковъ, порывистымъ ихъ дѣйствіямъ и, въ особенности, по голосу, можно догадываться, что эти озорники моложе среднихъ лѣтъ, что они бродятъ въ одиночку и скопомъ и что въ составѣ скопа есть и мужчины и женщины. Замѣчено многократно, что полуночниковъ разводится больше и дѣятельность ихъ болѣе озорна вблизи поселеній, гдѣ есть побольше молодежи, и полуночническая дѣятельность нечистиковъ тлетворно отзывается на жизни и дѣятельности мѣстной молодежи, двойнымъ страхомъ—на жизни родителей и старшихъ.

Гораздо опредѣленнѣе обликъ еретниковъ, въ которыхъ многіе хотятъ видѣть бывшихъ колдуновъ и колдуній, пожелавшихъ передъ смертью отрѣшиться отъ гнуснаго поведенія своего, но не допущенныхъ до сего своими властителями—бѣсами. Единственное доброе намѣреніе бывшихъ человѣконенавистни-

ковъ, по смерти ихъ, оплачивается особенною карою: каждую ночь они должны появляться на дорогахъ, поджидать здѣсь и томить запоздалыхъ путниковъ, дѣлать тоже съ людьми и на ихъ собственныхъ дворахъ, въ чертѣ усадебныхъ построекъ и внутри ихъ.

Еретники начинаютъ губительную дѣятельность послѣ вечернихъ сумерекъ и длятъ ее до перваго проблеска утренней зари,—что тѣмъ опаснѣе для людей, которые не могутъ предусмотрѣть врага въ темнотѣ. Дерзкій еретникъ внезапно пристаетъ къ жертвѣ и обхватываетъ ее обѣручъ, или схватываетъ за горло: въ томъ и другомъ случаѣ жертва теряетъ сознаніе, или безсильно мечется до потери жизни. Тогда еретникъ, насладившись страхомъ и муками жертвы, пьетъ теплую кровь ея, а тѣло уродуетъ. Даже и въ томъ случаѣ, когда жертва не потерялась при первомъ подступѣ еретника, отъ послѣдняго нельзя отдѣлаться „ни пестомъ, ни крестомъ“: перваго не боится врагъ, а второй попадаетъ въ пространство, откуда увернулся еретникъ; при томъ же, будучи обхвачена и сдавлена, жертва не въ состояніи сдѣлать и этой послѣдней обороны.

Къ счастью людей, еретниковъ относительно немного, да и тѣ изводятся самими же еретниками, при встрѣчѣ другъ съ другомъ. Тогда, при полной ночной тишинѣ, два еретника немилосердно грызутся, царапаютъ, душатъ одинъ другого, и не было еще случая, чтобы одинъ изъ нихъ уцѣлѣлъ. На семъ прерывается бытіе еретника, который уже отбываетъ потомъ однѣ замогильныя кары. Кромѣ того и люди научились изводить еретниковъ, которые, не страшась громовыхъ стрѣлъ, уязвлямы, однако, острыми металлическими предметами, и скоро гибнутъ отъ уколовъ, порѣзовъ. При каждой гибели еретника матеріальное вещество его обращается въ зловредный прахъ, разрушительно дѣйствующій на здоровье людей и даже животныхъ, когда пищею и питьемъ вводится въ тѣло.

XV. МÁРЫ.

Въ то время, когда полуночники и еретники отправляютъ свою непохвальную и губительную дѣятельность, повидимому, скромныя мáры мучать и томятъ спящихъ, не прерывая, однако, самаго сна ихъ. Обыкновенно мáра садится на грудь, или горло спящаго и начинаетъ давить, причемъ, затрудняя дыханіе, дѣлаетъ это съ минутными ослабленіями, чтобы насладиться еще бóльшими мýками жертвы послѣ передышки. Жертва ясно сознаетъ свое опасное положеніе и, чтобы спасти себя, поднимаетъ руку отогнать мáру толчкомъ, или крестнымъ знаменіемъ; но тутъ юркая мара придерживаетъ заносимую руку, при чемъ, отъ прикосновенія мары, рука млѣетъ, прибавляя новое страданіе. Единственнымъ могучимъ средствомъ спасенія отъ мары служитъ поминъ о томъ, что все это происходитъ во снѣ, а не на яву: страдалецъ быстро просыпается—и мара исчезаетъ. Но образумиться такъ могутъ лишь люди пожилые, къ которымъ, кстати, мара пристаетъ вообще рѣдко, хотя бы они спали даже на спинѣ (любимая марою поза спящаго); люди же молодые, „съ тепленькою кровью", къ которымъ любитъ приставать мара, обыкновенно не додумываются до указаннаго средства и принуждены подолгу переносить причиняемыя ею муки.

Этотъ злобный мучитель молодежи окруженъ бóльшею таинственностью, чѣмъ, напр., еретники, собственно потому, что пристаетъ къ человѣку только во снѣ и, преимущественно, къ тому, кто шумно провелъ время передъ сномъ, а, слѣдовательно, съ трудомъ можетъ разобраться во впечатлѣніяхъ. При томъ же мара мѣняетъ свой обликъ, когда послѣдовательно пристаетъ къ одному и тому же лицу. Но изъ этихъ мимолетныхъ явокъ обликъ мары обрисовывается приблизительно такъ: она имѣетъ человѣкоподобныя формы, ростомъ съ недѣльнаго младенца, голокожа, или покрыта рѣдкими, короткими перьями, иногда шерстью, мягка на ощупь, припадаетъ на жертву не грузно и не

сразу, а исподволь, при чемъ первое прикосновеніе ея даже ласкаетъ. Отступаетъ же мара отъ жертвы стремительно, оставивъ по себѣ у спящаго онѣмѣніе руки или ноги да обильный потъ на лицѣ и тѣлѣ.

Подобно многимъ усадебнымъ человѣкоподобникамъ, мары не страшатся освященныхъ предметовъ, какъ и осѣненія крестнымъ знаменіемъ, а потому свободно проникаютъ къ спящему чрезъ очерченную крестнымъ знаменіемъ черту. Гибнутъ ли мáры и о́тъ чего именно—остается неизвѣстнымъ и доселѣ.

XVI. КИКИМОРЫ (ВѢЩИЦЫ).

Послѣдними усадебными человѣкоподобниками считаются кикиморы—младенчески юныя существа, исключительно женскаго пола, загубленныя до крещенія дочери, или же проклятыя матерями еще въ утробѣ. Благодаря своему юному возрасту, неизмѣняющемуся съ годами, кикиморы положительно безвредны, хотя и засылаются въ людскіе дома съ враждебною цѣлью. По большей части, кикиморы скопляются въ тѣ дома, въ которыхъ произошло дѣтоубійство, проклятіе, и вблизи которыхъ былъ скрытъ трупикъ. Само собою разумѣется, что подобныя жертвы, загубленныя въ домѣ, даютъ не кикиморъ, а извѣстныхъ русалокъ. Благодаря своему слишкомъ юному возрасту, а отчасти и полу, кикиморы совершенно забываютъ про цѣли пребыванія въ домѣ, заигрываются и досаждаютъ жильцамъ развѣ одною вознею, отъ которой слышится неопредѣленный шумъ, перемѣшиваемый изрѣдка немощнымъ пискомъ да визгомъ. Но среди самой оживленной иногда возни кикиморы внезапно останавливаются: это значитъ—вниманіе ихъ привлечено къ созерцанію домашней обстановки, тѣхъ или иныхъ работъ, сверстницъ и сверстниковъ, ласкаемыхъ своими матерями. Тогда-то кикиморы издаютъ особенный, ни съ чѣмъ земнымъ несравнимый вздохъ, въ которомъ сказывается зависть къ чужой ласкѣ и недостижимое желаніе получить таковую себѣ. За незнаніемъ иной работы, кикиморы

чаще всего набрасываются на оставленное шитье или пряжу, чтобы угодить ласковой матери, или ея дочери, и продолжаютъ прерванную ими работу. Цѣль, однако, не достигается: кривые и неумѣстные швы, неровность выпряденныхъ нитокъ, пухленье мычки и т. под. поутру разбираются матерями, или другими возрастными женщинами, причемъ по адресу мастерицъ слѣдуютъ укоры, замѣчанія, даже брань. Все это еще больше томитъ бѣдныхъ кикиморъ, вызываетъ болѣе тяжкій вздохъ.

Обычнымъ мѣстопребываніемъ кикиморъ въ домѣ—площадь на поверхности печи и подпечье, куда онѣ незримо спускаются. Въ тѣ рѣдкія мгновенія, когда кикиморы принимаютъ тѣлесный обликъ, ихъ не трудно поймать и разсмотрѣть. Если догадливый человѣкъ немедленно выстрижетъ у кикиморы волосы на темени крестообразно, она навсегда остается человѣкомъ и продолжаетъ обычный ростъ дитяти, хотя впослѣдствіи не можетъ избѣгнуть такого или иного порока: непропорціональность формъ, кривизна отдѣльныхъ органовъ, косоглазіе, нѣмота, заиканіе, скудная память и умъ—вотъ неизбѣжные недостатки бывшей кикиморы, которая съ возрастомъ совершенно забываетъ о своей давней жизни.

(Внѣ-усадебные нечистики).

Перечисленные доселѣ усадебные человѣкоподобники тѣсно привязаны къ мѣстамъ своего пребыванія, въ большинствѣ готовы помочь человѣку и лишены разнообразныхъ превращеній. Остальные сродичи ихъ, стоящіе поодаль отъ человѣка и его жилища, уже не имѣютъ точно опредѣленныхъ притоновъ, помогаютъ человѣку съ корыстными цѣлями, по чисто сатанинскимъ побужденіямъ, и, за исключеніемъ облика чистаго вольнаго бѣса, способны принимать разнообразные и чудовищные виды, превращаться въ любой предметъ своей области. Какъ видно будетъ изъ послѣдующаго, и самая область человѣкоподобниковъ этой категоріи

шире области усадебныхъ собратій ихъ; области соотвѣтствуетъ и дѣятельность.

XVII. ПОЛЕВИКИ.

Область каждаго полевика—поля и луга то одной, то нѣсколькихъ смежныхъ деревень, нераздѣленныхъ, другъ отъ друга ни лѣсомъ, ни водою,—со всѣми относящимися къ полямъ и лугамъ горными высотами, долами и оврагами. Здѣсь, часто въ обширномъ пространствѣ, полевикъ ютится на горкѣ, въ овражкѣ, въ канавѣ, у камня, у полевого дерева, кустарника, межевого столба, непремѣнно подъ прикрытіемъ сихъ предметовъ, съ коими немедленно разлучается при водопольѣ, дождевомъ стокѣ, такъ-какъ терпѣть не можетъ мокроты, уходя отъ послѣдней на мѣста возвышенныя. Правда, полевикъ заботится о плодородіи полей, объ утучнѣніи луговъ, спугиваетъ отсюда „шкодниковъ" и выравниваетъ стебли и листья растеній; но это дѣлается для того, чтобы привлечь сюда возможно бо́льшее число людей, между которыми онъ, несомнѣнно, найдетъ и жертвы. Впрочемъ, случается и такъ, что онъ гонитъ неподлежаще зашедшихъ въ его область ради собственнаго покоя. Между прочимъ, полевикъ сторожитъ полевые клады, кои не выдаетъ ни при какой сдѣлкѣ съ человѣкомъ, и немилосердно мститъ случайному находчику клада: зная это, кладоискатели не обращаются къ полевику, а сдѣлавшись обладателями полевого клада, оставляютъ всяческія сношенія съ притонными мѣстами полевика.

Существенная дѣятельность полевика направлена къ одному только вреду полевого хозяйства человѣка. Разрушая изгороди, вѣшки, маня видомъ хлѣбныхъ и луговыхъ растеній, онъ привлекаетъ скотъ къ стравежу, причемъ норовитъ сдѣлать это на участкѣ ненавистника; то же дѣлаетъ полевикъ, когда приманиваетъ дѣтей и молодежь за цвѣтами, полевыми растеніями, какъ, напр., картофель, брюква, огурцы, или просто—для игръ и сборищъ. Вмѣсто всего этого полевикъ чинитъ и прямой вредъ:

приваливаетъ къ землѣ хлѣбъ и траву, скручиваетъ растенія, отклоняетъ дождь, засылаетъ вредныхъ насѣкомыхъ, водитъ тамъ и здѣсь заблудившихся дѣтей до изнеможенія; устраиваетъ коровьи „гизы́“, мучитъ пасущихся животныхъ, какъ и работающихъ людей, оводами, слѣпнями, комарами. Не щадитъ полевикъ и вполнѣ зрѣлаго, повидимому, нормальнаго человѣка: послѣдній вдругъ очутится спящимъ на грудѣ камней, кучѣ полевыхъ корнёвищъ, обыкновенно собираемыхъ въ одно мѣсто послѣ бороньбы,—въ грязной канавѣ, мокрой ложбинѣ и проч. Всѣхъ же вообще посѣтителей полей и луговъ онъ смущаетъ дикимъ эхомъ, передразниваньемъ, свистомъ, ревомъ, а главное—устрашающимъ обликомъ.

Въ послѣднемъ случаѣ полевикъ принимаетъ видъ чудовищной тѣни, которая то гонится за человѣкомъ, то уходитъ отъ него, заманивая жертву. Сто́итъ только поддаться коварному приманиванью—и человѣкъ много перетерпитъ за довѣрчивость; можетъ случиться, что, лаская своимъ тѣневымъ обликомъ, полевикъ вдругъ поражаетъ человѣка ужаснѣйшимъ солнопёкомъ и убиваетъ на мѣстѣ.

Полевики общительнѣе другъ съ другомъ, чѣмъ усадебные, напр., человѣкоподобники, по крайнѣй мѣрѣ, извѣстно, что они гостятъ одинъ у другого, помогаютъ томить попавшуюся жертву; дружески перекликиваются, особенно, ночною порою, при спокойной погодѣ. Почти бездѣйствуя зимою, полевики сходятся для забавъ, и любимѣйшею изъ нихъ служитъ уничтоженіе дорожныхъ вѣшекъ, запорошеніе дороги, заносъ снѣгомъ канавъ и рытвинъ, чтобы туда попадалъ сбившійся съ дороги проѣзжій и прохожій, котораго они долго водятъ взадъ и впередъ, до замораживанья.

Наиболѣе плохо живется полевикамъ весною и осенью, при тогдашней слякоти и мокротѣ: какъ ни сильно сатанинское ихъ желаніе вредить человѣку и его добру, они не могутъ разставаться съ уютнымъ сухимъ мѣстомъ, не могутъ топтаться по

грязной и мокрой почвѣ. Но тутъ нерѣдко самъ человѣкъ дается имъ въ руки, когда приходитъ для отдыха на суходолину: лаская и убаюкивая пришедшаго затишьемъ, солнечнымъ припекомъ, они удерживаютъ отдыхающаго, пока у послѣдняго не начнется лихорадочный ознобъ, разрѣшающійся потомъ весьма нерѣдко злокачественною лихорадкою.

Гибнутъ ли полевики и какъ именно—трудно отвѣтить, хотя извѣстно, что эти осторожные нечистики скорѣе другихъ узнаютъ приближеніе грозы, умѣютъ укрываться отъ громовыхъ стрѣлъ; при томъ же и самая область полевиковъ, если тамъ нѣтъ высокихъ, одиноко растущихъ деревьевъ, рѣдко принимаетъ громовые удары. Люди же, пока-что не придумали надежныхъ средствъ для погибели полевиковъ, отъ которыхъ сравнительно меньше терпятъ, чѣмъ отъ остальныхъ человѣкоподобниковъ: вѣдь поля періодически освящаются, засѣваются благословеннымъ зерномъ, да и самая работа здѣсь сопровождается молитвами.

XVIII. ЛѢШІЕ (ЛѢШУКИ́, ЛѢСОВИКИ́, ПУЩЕВИКИ́).

Какъ явствуетъ изъ самаго названія, область сего нечистика есть лѣсная площадь, отъ опушки до опушки, со всѣми находящимися здѣсь высотами, низменностями, пропастями и луговинами, за исключеніемъ просторныхъ водовмѣстилищъ, гдѣ имѣется отдѣльный нечистикъ—водяной. Въ глубинѣ такой площади находится домъ лѣшаго, въ которомъ живутъ его жены и дѣти; самъ же онъ—плохой домосѣдъ—больше бродитъ, отдыхаетъ и ночуетъ въ случайныхъ мѣстахъ: на вершинахъ высокихъ деревъ, въ дуплахъ, въ густыхъ заросляхъ, въ валежникахъ, буреломахъ, въ оврагахъ и пропастяхъ. Хотя лѣшій способенъ принимать разные образы, становиться любымъ предметомъ своей области, но онъ чаще всего показывается людямъ въ образѣ старика, съ бѣлымъ, какъ береста, или какъ воскъ, никогда не загорающимъ лицомъ, съ непомѣрно большими, тусклыми глазами свинцово-синяго цвѣта, которые неподвижны, никогда не

смыкаются. По отдѣльнымъ сказаніямъ, лѣшій имѣетъ сплющенное, ребромъ впередъ, длинное лицо, длинную клинообразную бороду, одинъ глазъ и одну ногу, пяткою впередъ. Когда же онъ превращается въ зауряднаго человѣка, то подобно нѣкоторымъ усадебнымъ человѣкоподобникамъ, можетъ быть узнанъ только по тому, что лѣвая пола одежды у него будетъ запахнута поверхъ правой, т. е. совершенно иначе, чѣмъ у людей крещеныхъ, а правый глазъ будетъ неподвижнымъ и всегда больше лѣваго.

Лѣшій способенъ передавать голоса всѣхъ обитателей своей области, отъ медвѣжьяго рева до жужжанья комара включительно; но если онъ подаетъ свой собственный голосъ, голосъ незримаго существа, то или глушитъ человѣка, или ласкаетъ нѣжнымъ шепотомъ, примѣнительно къ цѣлямъ коварства. Но каковъ бы ни былъ этотъ голосъ, опытный слухъ различаетъ въ немъ дикіе переливы, злобные взвизги нечистика.

У лѣшаго нѣтъ доброты усадебныхъ духовъ, нѣтъ и проявляющейся изрѣдка признательности водяного. Онъ—дикій, неумолимый нечистикъ, котораго можно развѣ обмануть, провозгласивъ при вступленіи въ лѣсъ невѣрное направленіе предполагаемаго пути, или же противъ козней его принять предупредительныя мѣры, одѣвъ на опушкѣ платье наизнанку. Не сдѣлано этого—лѣшій немедленно приступаетъ къ жертвѣ и съ злорадствомъ любуется ея томленіемъ и вообще несчастіями: сбивъ съ надлежащаго направленія, онъ заставляетъ человѣка бродить лѣсомъ по нѣскольку часовъ, проходить по одному и тому же мѣсту нѣсколько разъ, заводитъ въ глубь лѣса, въ лѣсную трущобу; когда же у жертвы потеряно всякое соображеніе, она дошла до отчаянія, лѣшій злорадно хохочетъ, и его хохотъ слышится верстъ на сорокъ въ окружности. Иногда, по предварительному уговору съ водянымъ, или болотникомъ, онъ приводитъ свою жертву къ нимъ, въ ихъ область, хотя внѣ сего случая лѣшій и водные нечистики—непримиримые враги, при чемъ водяной всегда первымъ напакоститъ лѣшему.

Кромѣ указанной сатанинской забавы надъ человѣкомъ, у лѣшихъ есть и свои, общественныя, между которыми заслуживаютъ помина свадьбы лѣшихъ; на нихъ, какъ и на кумовствѣ, нечистики любятъ покутить, развернуться во всю бѣсовскую ширь. Гдѣ видится полоса поваленнаго лѣса, лежитъ буреломный валежникъ, тамъ, несомнѣнно, промчался свадебный поѣздъ лѣшихъ; но тотъ же поѣздъ любитъ лѣсныя дорожки и тропинки неизбѣжно останавливается для безчинства на лѣсныхъ перекресткахъ. Когда при свадебномъ движеніи, или при одиночной ѣздѣ мчится лѣшій, ему предшествуетъ вѣтеръ, по которому можно знать, куда направляется лѣшій, одинъ ли онъ, или въ компаніи; но тотъ же вѣтеръ и вихрь заметаетъ слѣдъ лѣшаго. Ввиду сего осторожный лѣсной путникъ не слѣдуетъ по такимъ дорожкамъ и тропинкамъ, не садится на нихъ, какъ и на перекресткахъ для отдыха, рискуя быть уничтоженнымъ, или поруганнымъ, до потери христіанскаго отличія.

Отъ лѣшаго и лѣшухи рождается уродливое существо, весьма мало похожее на своихъ родителей; эти послѣдніе тяготятся своимъ обжорливымъ дѣтищемъ и стараются подмѣнить его некрещеннымъ христіанскимъ дитятею, котораго немедленно превращаютъ въ лѣшаго. Подлинный лѣшонокъ остается у мнимыхъ родителей лѣтъ до 11 и потомъ скрывается въ лѣсъ, откуда, однако, незримо для воспитателей, платитъ имъ вещественною благодарностью, приноситъ даже деньги. Прикосновеніе громовой стрѣлы къ такому полулѣшуку превращаетъ его, какъ и каждаго лѣшаго, въ свирѣпаго крупнаго хищника—медвѣдя, волка, рысь, орла, кои до конца своей жизни ищутъ возможности загубить человѣка.

Случается иногда, что лѣшій вступаетъ въ сожительство съ женщиною, которую онъ ютитъ въ лѣсныхъ тайникахъ, укрывая отъ своихъ непомѣрно ревнивыхъ лѣшухъ. Плодомъ такого сожительства является вполнѣ добродѣтельный лѣшонокъ, безкорыстный слуга людской, до чего, однако, самъ отецъ и другіе не допускаютъ, а при явномъ упорствѣ лѣшонка, губятъ его.

Ради губительныхъ наживныхъ цѣлей, обыкновенный лѣшій можетъ быть привлеченъ человѣкомъ на службу. Дѣлается это особеннымъ выкликомъ въ Купальскую ночь: выкликающій становится на осиновый пень, лицомъ на сѣверъ, и возглашаетъ приблизительно такъ: „кажись не волкомъ-звѣремъ, не ворономъ-птицею, не древомъ иглистымъ, а такимъ, какъ я самъ!“ Лѣшій немедленно предстанетъ въ человѣкоподобномъ видѣ и, принимая сдѣлку, требуетъ за предстоящіе труды одну только душу выкликающаго послѣ неизбѣжной его смерти въ лѣсу; при этомъ онъ не настаиваетъ на храненіи тайны свиданія, какъ это дѣлаетъ домовой, но не позволяетъ хвастать ни своимъ сношеніемъ съ лѣшимъ, ни получаемыми дарами, какъ не позволяетъ шутить дружбою,—за что мститъ чисто по-сатанински. Въ то же время онъ мститъ, когда часто и безъ нужды поминаютъ его имя; если лѣшему не удастся месть въ отношеніи человѣка лично, онъ отомститъ ему гибелью того или другого домашняго животнаго, попавшаго въ лѣсъ.

Лѣшій вѣрно и безостановочно служитъ тому, кто его призвалъ: гонитъ дичь, указываетъ путь къ бортямъ, ягоднымъ и грибнымъ мѣстамъ, объявляетъ мѣстонахожденіе кладовъ и всемѣрно устраняетъ козни соперниковъ, которыхъ изводитъ ложными дорогами, стращаетъ свирѣпыми звѣрями, или же подводитъ къ послѣднимъ. Но сверхъ прямой службы, лѣшій помогаетъ и косвенно: къ такому человѣку станутъ обращаться при поискахъ заблудившагося въ лѣсу скота, просить указаній на прибыльныя мѣста тамъ же и проч. Кстати вспомнить: лично къ домашнему животному лѣшій не питаетъ вражды; замѣтно даже, что онъ, напр., расположенъ къ собакамъ, которымъ охотно позволяетъ бѣгать по лѣсу въ любое время. Если же онъ завлекаетъ въ лѣсъ и губитъ тамъ какое-нибудь домашнее животное, такъ дѣлаетъ это лишь потому, что имѣетъ случай отомстить хозяину, или доставить наживу покровительствуемому имъ человѣку.

Многіе останавливались на вопросѣ, почему лѣшій даетъ мало, а требуетъ большой жертвы, тогда-какъ домовой благо-

дѣтельствуетъ безкорыстно?. Тутъ необходимо припомнить, что житейское положеніе этихъ двухъ человѣкоподобниковъ слишкомъ расходится: въ то время, когда домовой смѣняетъ одинъ теплый и уютный уголъ на другой, всегда въ кругу почтительной семьи, среди предметовъ, коими даритъ домъ, одичавшій лѣшій, ради мелкой иногда услуги человѣку, не взирая на стихійныя невзгоды, принужденъ мчаться на далекія разстоянія по слякотной дорогѣ, чрезъ лѣсныя водовмѣстилища и болотныя топи, встрѣчаться съ ненавистными ему медвѣдями, красть нужный предметъ изъ области другого лѣшаго и проч. Ясно, что такіе труды, труды безъ помощниковъ, должны вызывать и достойную оплату.

Сколько есть на землѣ лѣшихъ, нетрудно вычислить по наличнымъ лѣснымъ площадямъ, потому что для каждой изъ нихъ назначается отдѣльный лѣшій. Если же лѣсная площадь велика, то и тутъ можно опредѣлить область лѣшаго, которая обнимаетъ не болѣе семи квадратныхъ верстъ. Еще удобнѣе опредѣлить число пущевиковъ, которые имѣютъ ограниченную и тѣсную область, а именно—дѣвственный лѣсъ, или лѣсъ выдающейся вышины („пуща-дремуща"). Какъ и лѣшій, пущевикъ превышаетъ головою самое высокое дерево,—что помогаетъ видѣть окрестные предметы на далекое разстояніе. Есть, однако, пущевики, которымъ такія деревья только по плечо.

Младшій братъ пущевика, лѣшій, идетъ на кое-какую сдѣлку съ человѣкомъ; какъ видно было, его дѣти (лѣшата) даже благодѣтельствуютъ человѣку; свирѣпый пущевикъ спѣшитъ стать поперекъ добрыхъ намѣреній брата, чинитъ одно лишь зло, памятуя, что ему пришлось уйти въ вѣковыя дубравы именно изъ-за давнихъ козней человѣка. Онъ не щадитъ ни стариковъ, ни дѣтей ни женщинъ, ни немощниковъ, ни житейскихъ помощниковъ человѣка—домашнихъ животныхъ: разъ жертва зашла въ пущу—ея гибель неизбѣжна. Косматый, поросшій волокнистымъ мхомъ по всему тѣлу, не исключая носа и глазъ, гигантъ по росту, пущевикъ способенъ убить жертву однимъ своимъ обли-

комъ; когда достигнута цѣль, онъ не хохочетъ, подобно лѣшему, не издѣвается надъ жертвою, а спокойно слѣдуетъ дальше, точно сдѣлалъ заурядное дѣло, исполнилъ скромный долгъ.

Къ счастью человѣка, пущевики весьма рѣдки, и есть немало пущъ, гдѣ зауряд̆ъ хозяйничаютъ одни только лѣшіе. „Гдѣ гибель человѣка, тамъ скрыто и спасеніе его": пущевикъ неповоротливъ, дряхлъ до отупѣнія, плохо видитъ, что дѣлается у его ногъ. Все это помогаетъ человѣку уходить отъ страшнаго человѣкоподобника; при неизбѣжной же встрѣчѣ съ нимъ, нужно дѣлать крутые повороты туда и сюда, да спѣшно оставить область пущи, дальше которой пущевикъ не рѣшается дѣлать своего старческаго шага.

XIX. КЛА́ДНИКИ, КЛАДО́ВИКИ.

Многіе ошибаются, когда охранителями кладовъ считаютъ лѣшихъ и пущевиковъ. Безспорно, въ лѣсахъ и пущахъ скрыто много кладовъ; но едва ли меньше того скрыто ихъ въ усадебныхъ участкахъ, въ поляхъ и лугахъ, въ оврагахъ и разныхъ водовмѣстилищахъ, куда ни лѣшіе, ни пущевики не могутъ даже и заходить. Тогда, въ равной мѣрѣ, пришлось бы считать хозяевами кладовъ усадебныхъ человѣкоподобниковъ, полевиковъ и водяныхъ съ ихъ собратьями—болотниками, багниками оржавениками. На самомъ дѣлѣ они—или отдѣльные сторожа на службѣ у кладниковъ, или, какъ хозяева данной области, только знаютъ мѣстонахожденіе кладовъ, которыхъ, однако, передать никому не могутъ. Такимъ образомъ остается признать, что кладохранилища должны имѣть отдѣльныхъ хозяевъ—кладниковъ или кладовиковъ.

Кладники—несмѣтные богачи. Одѣваются они въ серебряныя сѣрмяги, обуваются въ такіе же лапти, изрѣдка—въ сапоги съ золотыми носками; коническія шапки кладниковъ изъ литого

золота, пояса—золотыя пута съ громаднымъ замкомъ (напоминаютъ желѣзныя пута для лошадей); дорожныя палки ихъ чистаго серебра съ золотыми набалдашниками и наконечниками. Кромѣ того и вся домашняя обстановка кладниковъ блеститъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями, которые между прочимъ, служатъ предметами освѣщенія и дома, и въ пути. Но, при своихъ баснословныхъ богатствахъ, кладники жалкіе бѣдняки, потому что изъ своего несмѣтнаго добра они не удѣляютъ на продовольственныя нужды даже булавочной головки. Идетъ, примѣрно, кладникъ, залитый золотомъ да серебромъ—и отъ отощанія еле передвигаетъ ноги; въ серебряномъ кошелѣ его валяется корка хлѣба, то поднятая послѣ людской ѣды, то скраденная, то выпрошенная ввидѣ милостыни, такъ-какъ кладники прибѣгаютъ и къ сему постыдному способу прокормленія.

Быть можетъ, необычайная скаредность и вырабатываетъ у кладниковъ соотвѣтственную злобу не къ людямъ только, но и къ своимъ собратьямъ: съ первыми они не вступаютъ ни въ какія мягкосердыя сдѣлки, а во вторыхъ видятъ беззазорныхъ посягателей на охраняемое добро. По сатанинскимъ завѣтамъ, это послѣднее должно нарощаться на счетъ жертвы, разумѣется, сверхъ гибели души этой жертвы. Изъ пространной исторіи о кладахъ и кладонаходчикахъ видно, что кладники погубили много людей, такъ-какъ послѣдніе обыкновенно сами и наперебой идутъ къ кладникамъ, а не разыскиваются ими; то же, несомнѣнно, будетъ и впредь, пока люди не перестанутъ тянуться къ кладамъ, какъ мотыльки къ свѣчкѣ, пока не оцѣнятъ по достоинству то, чего такъ усердно ищутъ.

О кладахъ слѣдуетъ замѣтить, что, за малыми изъятіями, они есть награбленное, добытое разбоемъ и разными неправдами добро; если оно не омыто человѣческою кровью, такъ въ скопленіи его сочетавались алчность и скаредность, медленно, но прочно подтачивалась жизнь скопидома,—что опять же отзывается убійствомъ. Ввиду сего, на кладахъ лежитъ прямое и кос-

вешное проклятіе, которое собственно и губитъ кладонаходчиковъ, по большей части, проматывающихъ и найденное добро и свое трудовое.

Когда владѣлецъ добра пожелаетъ скрыть его въ землю и тутъ же наложитъ заклятіе, кладникъ сторожитъ моментъ закрытія клада первымъ слоемъ земли, подхватываетъ и уноситъ въ глубь. Послѣ сего и положившій кладъ уже не хозяинъ сокрытаго добра, которое онъ можетъ вновь увидѣть развѣ для того только, чтобы сдѣлать надбавку; воспользуется же имъ иной корыстолюбецъ, алчникъ, искатель легкой наживы. Кладникъ поднимаетъ сокровище къ поверхности земли и злобно наблюдаетъ за корыстолюбцемъ, который уже не отойдетъ прочь, пока не совершитъ гибельной сдѣлки съ кладникомъ и собственною честью.

Въ рѣдкихъ случаяхъ кладникъ поднимаетъ къ поверхности земли то одинъ, то другой кладъ для провѣтриванья. Этотъ моментъ самый удобный для захвата клада, безъ потери для кладонаходчика, лишь бы на сю пору при кладѣ не было его страшнаго хозяина. Но это дается такъ рѣдко, такому ограниченному числу счастливчиковъ, что на нихъ трудно и указать.

XX. ВОДЯНИКИ.

Изъ нечистиковъ, хозяйничающихъ въ водовмѣстилищахъ, необходимо выдѣлить тѣхъ, что обитаютъ въ открытыхъ чистыхъ водахъ, собственно потому, что они какъ-то ближе къ человѣку, иногда даже покровительствуютъ ему почти съ тѣмъ же безкорыстіемъ, какъ и домовые. Такіе нечистики обыкновенно называются водяниками; они бываютъ: ви́рники, или ому́тники, и тихо́ни; первые ютятся въ движущейся водѣ, а вторые—въ стоячихъ водахъ—озерахъ и прудахъ. Но эта рознь столь незначительна, что позволяетъ говорить о всѣхъ водяникахъ заодно; къ тому же одинъ и тотъ же водяникъ способенъ занимать и

текучія и стоячія водовмѣстилища, лишь бы они сообщались другъ съ другомъ.

По внѣшнему виду, водяникъ есть средняго роста глубокій старикъ, съ длинною лопатистою бородою, съ такими же длинными волосами на клиноподобной головѣ, съ гладкою лоснящеюся кожею, расплывшимся лицомъ, одутловатымъ брюхомъ и непропорціонально длинными ногами, имѣющими между пальцевъ перепонки. Кромѣ того, и все тѣло водяника покрыто длинными волосами, которые, при ближайшемъ разсмотрѣніи, есть тонкія струи воды, или же тина и водоросли, приставшія къ покрову его. Въ такомъ именно видѣ водяникъ предстаетъ въ моментъ выхода изъ воды; оставшись же на сушѣ столько времени, сколько нужно для стока воды съ тѣла и освобожденія тины и водорослей отъ мокроты, водяникъ быстро начинаетъ терять обликъ, не можетъ вернуться въ воду и погибаетъ: тонкій пластъ высохшей тины и водорослей, обтянутый едва примѣтною плевою—вотъ жалкіе остатки погибшаго водяника! Но если такой пластъ, никѣмъ не нарушенный, будетъ подхваченъ поднявшеюся водою, или будетъ врошенъ въ воду человѣкомъ, водяникъ оживаетъ, и въ послѣднемъ случаѣ остается признательнымъ за спасеніе,—что́ и можетъ доказать при потопленіи своего спасителя, котораго не только не приметъ, какъ жертву, но представитъ на неглубокое мѣсто, пододвинетъ бревно, кустъ и проч. Да и въ послѣдующее время водяникъ будетъ выражать признательность загономъ, напр., рыбы въ сѣти своего спасителя.

Признательность и вообще расположеніе водяного къ человѣку, между прочимъ, сказывается и въ слѣдующемъ: онъ принимаетъ покровительствуемаго спать на свою постель, находящуюся на днѣ водовмѣстилища, причемъ на спящаго не упадетъ даже и капли воды. Постель водяника, обязательно предоставляемая немногимъ избранникамъ, чарующе мягка, съ волшебною обстановкою: надъ спящимъ сводчатая, тонкая, какъ паутина, сѣнь, сквозь которую онъ видитъ жизнь растеній и водныхъ животныхъ, переливанье воды, игры русалокъ; но если

такой человѣкъ ткнетъ пальцемъ въ пелену—вода немедленно просочится въ дыру и зальетъ неосторожнаго.

Внѣ сего соотношенія водяникъ въ шутку и злонамѣренно распугиваетъ рыбу у сѣтей рыболова, разъѣзжая на своемъ любимомъ конѣ (сомѣ), рветъ и выворачиваетъ сѣти и другіе снаряды, раскапываетъ мельничныя плотины, портитъ и срываетъ мельницы; зорко сторожитъ купающихся, улавливая жертвы между ними, рыболовами и неосторожно упавшими въ воду, при чемъ не дѣлаетъ пощады и скоту: усѣвшись на плывущее, или бархатающееся въ водѣ животное, водяникъ, катается на немъ и своею тяжестью придавливаетъ его ко дну. Если же онъ только подшучиваетъ, играетъ и нѣжится, то видно будетъ, какъ въ томъ или другомъ мѣстѣ нежданно заклубится вода, всплывутъ на поверхность пузыри, станутъ расходиться круги, а ночью, при тихой погодѣ, хлопаетъ ладонями по поверхности воды, или реветъ по-коровьи, крякаетъ по-утиному, визжитъ и блѣетъ, подобно при-воднымъ птицамъ. Въ свою очередь, во внезапномъ разливѣ скромной рѣчки и ручья, въ напорѣ ихъ водъ, въ замучиваньи чистой доселѣ воды, приходится видѣть то шутки водяника, то свадьбу его; при послѣдней не выдерживаетъ самая крѣпкая плотина, мельница, и всегда должна здѣсь быть человѣческая жертва.

Водяниковъ сравнительно немного—по одному на каждое водовмѣстилище:—озеро, прудъ, рѣку, невысыхающую лужу, колодезь,—и только при мельницѣ ихъ бываетъ столько, сколько поставовъ, или водяныхъ колесъ, на которыхъ водяники держатся (на вершинѣ) при верченіи. Въ теченіе дня они обыкновенно лежатъ распластавшись на днѣ и только послѣ солнечнаго заката начинаютъ свою дѣятельность; но въ недѣлю передъ Ильинымъ днемъ водяники проявляютъ дѣятельность и днемъ—ихъ непонятное для людей возбужденіе особенно опасно въ это время.

Подобно домовымъ, водяники не сходятся одинъ съ другимъ сколько по враждѣ, столько и за невозможностью перемѣ-

щеній чрезъ сушу. Посему часто случается, что два водяника—рѣчной и колодезный,—живущіе въ двухъ-трехъ саженяхъ, знаютъ другъ друга заочно, по голосу и всплеску водъ, разговариваютъ, никогда не видясь. Впрочемъ, если бы и доступно было перемѣщеніе водяниковъ въ чуждую область, они не могли бы выдержать свойствъ новой воды. Люди пользуются этимъ для вывода водяниковъ и, соединивъ канавою, или каналомъ два водовмѣстилища, одновременно уничтожаютъ двухъ водяниковъ. Кромѣ сего водяниковъ можно выживать свистомъ, котораго, подобно лѣшимъ, они не переносятъ, какъ не переносятъ золы, всыпаемой по утрамъ (нюшками) въ воду: водяникъ отравляется отъ золы, неистово мечется отъ свиста и кончаетъ тѣмъ, что разбивается о подводные камни, или о подводные завалы. Метанія водяника крайне опасны: проходящаго по берегу онъ хватаетъ за полу, опрокидываетъ лодку ѣдущаго по водѣ, того и другого уноситъ вглубь. Если такой человѣкъ сумѣетъ уйти отъ водяника, онъ не избѣжитъ несчастья на сушѣ: сухопутный нечистикъ отомщаетъ за водяника, особенно, когда, при свистѣ и бросаньѣ золы въ воду, было помянуто имя водяника.

Какимъ бы путемъ ни заполучилъ водяникъ свою жертву, онъ долго тѣшится ея отчаянными порывами освободиться отъ воды: то подниметъ къ поверхности, дастъ вдохнуть воздуха, то снова еще глубже опуститъ внизъ, до тѣхъ поръ, пока, въ конецъ обезсиленная, жертва не упадетъ на дно. Но и тутъ водяникъ продолжаетъ томить жертву óбразами возможнаго спасенія. Окончательно убивъ свою жертву, водяникъ сгоняетъ къ трупу піявокъ, раковъ, жуковъ, чтобы тѣ издѣвались надъ тѣломъ, отъ котораго онъ отстаетъ по извлеченіи души; эта послѣдняя поступаетъ на службу къ водянику.

Посинѣлый трупъ утопленника говоритъ о томъ, что жертва была весьма смутнаго, даже сатанинскаго происхожденія; водяникъ равнодушенъ къ такимъ утопленникамъ и предпочитаетъ жертвы съ чистою, христіанскою душою. Трупъ такой жертвы

часто навсегда удерживается водяникомъ, который укрываетъ его въ хлудахъ, въ корняхъ прибрежныхъ деревьевъ, между камней и проч.

Какъ извѣстно, водяникъ—старый холостякъ, и въ этомъ особенное несчастье женщинъ вообще, а дѣвушекъ—по преимуществу: при старческомъ невзрачьи, онъ любитъ молодость и красоту. Если въ его области уже было нѣсколько утопленницъ, водяникъ придерживаетъ только самоубійцъ, отпуская довольно скоро остальныхъ, невольныхъ утопленницъ. Но и первыхъ волей-неволей онъ долженъ бываетъ отпустить (трупъ ихъ),—что сопровождается волненіемъ и бушеваніемъ воды: это волнуется водяникъ. Что же касается души самоубійцы, послѣдняя становится извѣстною русалкою, поступающею подъ суровую власть водяника, съ которымъ принуждена бываетъ вести ненавистную связь. Плодомъ этой связи бываютъ многочисленные „водянёнки"— шаловливые и безвредные нечистики, однако, болѣе своего отца ищущіе связей съ живыми женщинами; этимъ послѣднимъ и всему ихъ роду они помогаютъ въ рыболовствѣ. „Водянёнки" исчезаютъ, едва достигнувъ совершенныхъ лѣтъ: иные гибнутъ на сушѣ, послѣ водополья, при преслѣдованіи живыхъ женщинъ, уничтожаются настоящими водяными, или удушаются своими озлобленными матерями.

Есть водяники, которымъ не суждено было сожительствовать съ русалками, собственно потому, что въ ихъ области доселѣ не было ни одной самоубійцы. Такіе водяники злы до крайности и не пропускаютъ ни одной жертвы, въ чаяніи встрѣтить въ ней женщину.

Ввиду того, что сношеніе съ водяникомъ не такъ прибыльно, какъ съ другими человѣкоподобниками, а условія тяжелы (послѣ утопленія подай душу, а сейчасъ—брось въ воду тѣльный крестъ, да отрекись отъ родни!), съ нимъ вступаютъ въ союзъ немногіе, отчаянные люди, которымъ, пожалуй, нечего терять, не отъ чего отрекаться.

XXI. БОЛОТНИКИ, БА́ГНИКИ, ОРЖА́ВЕНИКИ, ЛО́ЗНИКИ.

Отличительною особенностью сихъ человѣкоподобниковъ нужно считать взаимопомощь въ преслѣдованіи жертвы—человѣка, или его пособниковъ—домашнихъ животныхъ, какого единенія не встрѣчается, напр., между усадебными нечистиками; но они не бываютъ сотрудниками и помощниками водяника, обыкновенно сторонящагося отъ сихъ грязныхъ, до крайности неряшливыхъ нечистиковъ. За исключеніемъ упомянутой взаимопомощи, болотники, багники, оржавеники и лозники не сносятся одинъ съ другимъ, хотя нерѣдко и живутъ бокъ-о-бокъ: они неспособны къ нѣгѣ и ласкѣ, потому что неуклюжи, неподвижны, угрюмѣе и непокладливѣе всѣхъ нечистиковъ. Наконецъ, всѣ они лишены возможности къ самомалѣйшему измѣненію личнаго существа, затрудняющаго имъ подходъ къ поверхности своихъ обиталищъ: ютясь на днѣ ихъ, эти человѣкоподобники ищутъ жертву, заманиваютъ красивыми о́бразами и звуками,—въ чемъ и сама природа помогаетъ имъ, подставляя жертвѣ заманчивую растительность, но коварную почву, или просто даетъ миражъ. Они приступаютъ къ дѣятельности тогда, когда жертва поддалась коварству и погрязла въ болотинѣ, багнѣ, оржавенѣ, запуталась въ корняхъ и стволахъ лозняка: подлежащій нечистикъ схватываетъ ее за ноги и медленно, но прочно тянетъ къ себѣ; разъединенная было поверхность болотины, багны, оржавени соединяется вновь, не оставляя слѣдовъ гибели живого существа. Каковы же здѣсь предсмертныя муки послѣдняго и издѣвательства нечистика надъ жертвою, можно лишь догадываться по дикимъ чертамъ мучителя, вѣками поджидавшаго жертву.

Остается прибавить, что болотники, багники, оржавеники и лозники неуязвимы отъ громовыхъ стрѣлъ, теряющихъ губительную силу при первомъ соприкосновеніи съ поверхностью ихъ обиталищъ, и нечистики безстрашно, съ сатанинскою насмѣшкою,

подхватываютъ эти стрѣлы. Но для всѣхъ этихъ нечистиковъ есть непредотвратимая, величайшая опасность, а именно—осушеніе ихъ обиталищъ путемъ канализаціи: разъ отсюда сведена вода, осѣла сгустившаяся земля—нечистикъ люто погибъ, такъ-какъ ему не уйти изъ обиталища, ставшаго теперь его могилою. Съ теченіемъ времени прахъ нечистика сливается съ общею здѣсь землею, служа безвреднымъ удобрительнымъ матеріаломъ,—и однимъ нечистикомъ становится меньше, потому что всѣ они вѣчно одинокіе, холостяки.

Раздѣльныя особенности жизни сихъ нечистиковъ зависятъ отъ мѣстопребыванія каждаго изъ нихъ. Такъ болотникъ тѣшится, когда на поверхности его обиталища идетъ растительная и вмѣстѣ съ нею животная жизнь: по вечерамъ и утрамъ онъ реветъ по-коровьи (голосъ выпи), крякаетъ по-утиному, булькаетъ по-тетеревиному, чтобы приманить сюда охотника, или хищника,—дико стонетъ и тутъ же внезапно разразится хохотомъ молодого людского голоса (пардва—бѣлая куропатка), гогочетъ приманчивымъ гу́домъ (бекасъ на току) и проч. Когда природа разукрасила поверхность обиталища болотника чудными цвѣтами, ягодными растеніями (брусника, клюква, морошка), грибами (моховики), послѣдній скрыто раститъ промежъ нихъ коварный багунъ, доводящій посѣтителя до угарной одури. Коротая свои нескончаемые досуги, болотникъ тамъ и здѣсь пробиваетъ иногда болотныя оконца и окружаетъ ихъ то предательскою растительностью, то подгоняетъ рыбу къ оконному отверстію. Это—сатанинская ловушка, погубившая далеко не одну жертву.

Какимъ путемъ ни привлекалась бы жертва, болотникъ въ состояніи погубить ее только тогда, когда болотная топь достаточно глубока; въ противномъ случаѣ ему остается томиться безсильною злобою и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ надежнѣе спасенье жертвы. Весьма много злитъ болотника людское приспособленіе ходить по топкой болотинѣ при помощи болотныхъ лыжъ: трясется почва, гнется она внизъ, а человѣкъ безбоязненно дви-

жется да движется впередъ! Верхомъ же злобы является положеніе болотины въ знойное лѣто: не только самъ человѣкъ безбоязненно топчетъ ея поверхность, но нерѣдко проводитъ по ней и лошадь съ волоковою копною, или съ телѣжнымъ возомъ. Что же касается зимняго времени, то мерзлякъ-болотникъ, корчась и ёжась на днѣ обиталища, принужденъ подумывать о собственной безопасности: вымерзнетъ болото—погибнетъ и болотникъ. Правда, изъ его берлоги поднимается время-отъ-времени теплое дыханіе, даетъ оно болотную полынью; но ударитъ новый морозъ—болотникъ въ новой тревогѣ за существованіе, снова безсильно злится на конскій топотъ, отдающійся эхомъ въ его берлогѣ.

Хотя никому изъ людей не приходилось видѣть болотника такимъ, каковъ онъ есть на самомъ дѣлѣ, однако, чрезъ косвенное посредство другихъ нечистиковъ извѣстно, что онъ непомѣрный толстякъ (наливашка), совершенно безглазый, весь въ толстомъ слоѣ грязи, къ которой налипли въ безпорядкѣ: водоросли, мшистыя волокна, улитки, жуки и другія водяныя насѣкомыя. Все это, дѣлая болотника неповоротливымъ, въ то же время ставитъ его въ разрядъ наиболѣе отвратительныхъ нечистиковъ.

Багникъ ютится въ торфяномъ, никогда не покрывающемся растительностью болотѣ, имѣющемъ видъ черной грязевой лужи. Онъ никогда не появляется на поверхности своей „багны“ и присутствіе въ ней выдаетъ лишь пузырями на поверхности да изрѣдка—мелкими огоньками тамъ же; тѣ и другіе сопровождаются особеннымъ „пуктаньемъ“, незначительнымъ колебаніемъ поверхности. Это—дышетъ и пыхтитъ вѣчно бездѣятельный багникъ, не поднимающійся съ мягкаго ложа и тогда, когда жертва попала въ багну и мечется въ грязи. Онъ увѣренъ, что ей не уйти отсюда и что жертва сама подойдетъ къ нему.

Не только люди, но и многія животныя сторонятся багны, въ которой постоянными живыми существами можно считать немногочисленныхъ насѣкомыхъ—улитокъ, жуковъ, піявокъ, чер-

вей; за поисками сихъ насѣкомыхъ прибываютъ на короткіе сроки болотные голенастики, но и они спѣшатъ уйти отъ опасной багны, иногда убивающей тлетворными газами, испускаемыми время-отъ-времени багникомъ.

По внѣшнему виду багникъ еще грязнѣе болотника. Какъ и сей послѣдній, онъ страшится канализаціи, хотя и не боится морозовъ, которымъ весьма рѣдко удается закрывать багну, согрѣваемую теплымъ пыхтѣньемъ багника. Къ сожалѣнію, для послѣдняго есть отдѣльный бичъ, а именно: предпріимчивые люди вычерпываютъ багновую грязь, для выработки топлива, удобренія полей и огородовъ, и тѣмъ крайне тревожатъ нечистика, который того и гляди очутится безъ багны; въ сухое же лѣто, когда багна не только подсыхаетъ, но и кое-гдѣ горитъ, полумертвый багникъ томится на днѣ своего обиталища и едва переживаетъ время до новаго разжиженія багны дождями и приточными ручейками.

Какъ извѣстно, оржáвень (оржáвина) представляетъ послѣдыша между болотными топями, къ которой не идутъ за кормомъ и питьемъ даже нуждающіяся животныя: крайне скудная, жесткая осока да хвощъ и желтожелѣзистая вода оржавени вредны и приторны; то-же свойство воды не даетъ возможности ютиться здѣсь и такой животной мелочи, какъ лягушки, піявки, черви, жуки и проч. Ясно, что оржавень въ конецъ загажена ютящимся здѣсь оржавеникомъ, который даже не хочетъ прикрыть срамнаго обиталища своего; эти мутные пузыри да „сало“ (желѣзистыя свѣчи) краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о наивысшей загаженности оржавени. Каковъ же долженъ быть жилецъ ея? Грязно-рудый, съ непомѣрно толстымъ животомъ и тонкими, какъ стебель хвоща, ногами, съ ржавыми прилипами ко всему его покрову, непрестанно рыгающій, оржавеникъ не можетъ привлечь къ себѣ вниманія даже неразборчивыхъ нечистиковъ; всѣ же живыя существа сторонятся и обиталища его. Такимъ образомъ оржавенику весьма рѣдко приходится имѣть жертву: животное забѣгаетъ

въ оржавень второпяхъ, спасаясь отъ преслѣдователя-хищника, а человѣкъ зайдетъ развѣ при ненормальномъ состояніи. Въ то время, когда болотникъ и багникъ могутъ зимою, напр., обмануть прохожаго и проѣзжаго, оржавенику не удается закрыть своего срамнаго обиталища: если оржавень кое-какъ закрылась льдомъ и запорошилась снѣгомъ, тотъ и другой непремѣнно выдадутъ притонъ оржавеника своею буро-желтою окраскою.

Оржавеникъ пока-что пользуется бо́льшимъ покоемъ, чѣмъ его помянутые собратья, потому что знойное лѣто не высушаетъ оржавени, а людямъ не нужна эта срамная, крайне непроизводительная земля: нечистику остается валяться на днѣ своего обиталища, наслаиваться прилипами да поддерживать срамную муть оржавени.

На ло́зниковъ указываютъ какъ на родственныхъ помощниковъ при-водныхъ нечистиковъ, или какъ на подростковъ. Изъ предыдущаго видно, что всѣ эти нечистики живутъ и дѣйствуютъ порознь и что у нихъ нѣтъ потомства; ло́зники составляютъ отдѣльный скопъ скорѣе надводныхъ, чѣмъ подводныхъ нечистиковъ, и притономъ ихъ служатъ густые кусты сплевшагося малорослаго лозняка, отъ цвѣта котораго они воспринимаютъ цвѣтъ своего покрова. Сами по себѣ ло́зники слишкомъ крохотные бѣсики, отчасти напоминающіе шешекъ, подобно имъ, игривые, и не имѣютъ ввиду погубить той жертвы, которую запутываютъ въ кустѣ лозы, въ корняхъ ея, или заставляютъ проваливаться въ скрытое оконце топи. Все это дѣлается не какъ сатанинская напасть, а какъ игра, шутка, послѣ которой они подаютъ и помощь, пододвигая жертвѣ кустъ не отонувшей лозы, тростникъ, аиръ, и проч. Если и при такой помощи жертва не спаслась, такъ ее подхватилъ обитающій здѣсь крупный нечистикъ—водяной, болотникъ багникъ,—которымъ ло́зники не намѣрены были подслуживаться.

Какое именно значеніе имѣютъ ло́зники въ бѣсовскомъ мірѣ, трудно опредѣлить; слѣдуетъ догадываться, что эти нечи-

стики загнаны сюда и прикованы къ мѣсту за неимѣніемъ для нихъ подходящей дѣятельности. Ввиду же почти безусловной безвредности лóзниковъ, ихъ ничтожнаго облика, громовыя стрѣлы разятъ ихъ лишь попутно. У лóзниковъ остается одна опасность, о которой они, однако, совершенно не помышляютъ: это—осушеніе мѣста подъ ихъ обиталищемъ и чрезъ тó уничтоженіе лозовыхъ кустовъ, съ ростомъ которыхъ соединено бытіе лóзниковъ; послѣдніе въ семъ случаѣ гибнутъ цѣлымъ скопомъ навсегда и безслѣдно.

XXII. Русалки.

Причисляя русалокъ къ человѣкоподобнымъ нечистикамъ, необходимо предварить, что онѣ, во-первыхъ, не имѣютъ страшныхъ обликовъ своихъ собратій, а во-вторыхъ—происхожденіе ихъ не демоническое, сравнительно позднѣйшее, притонное мѣсто—чистая вода, гдѣ независимо отъ сего ютится тотъ или другой водяникъ. Въ болѣе подробномъ развитіи упомянутыхъ особенностей прежде всего слѣдуетъ сказать, что русалки—существа исключительно женскаго пола, вѣчно юныя красавицы съ чарующимъ и обаятельнымъ обликомъ; онѣ есть или выродки людскихъ дочерей, или дочери, проклятыя родителями еще въ материнской утробѣ, умершія неокрещенными, загубленныя своими матерями вскорѣ послѣ рожденія, непремѣнно въ водѣ, или же молодыя утопленницы, покончившія жизнь самоубійствомъ. Какъ ни различны возрасты этихъ жертвъ людской небрежности, злобы, насилія, личнаго малодушія, въ состояніи русалокъ они объединяются, такъ что каждая изъ нихъ представляетъ существо въ пору наилучшаго развитія дѣвичества, и только опытный глазъ улавливаетъ между ними рознь возрастовъ при жизни, крещеныхъ особей. Послѣднее сказывается едва замѣтнымъ оттѣнкомъ креста межъ персей,—что можно наблюдать на разстояніи девяти шаговъ отъ русалки.

Русалки имѣютъ ласковые голубые глаза, которыми, между прочимъ, такъ удачно приманиваютъ жертву; но, послѣ поимки

ея, тѣ же глаза остаются стекловидными и неподвижными, какъ у мертвеца. По нѣжному, почти прозрачному тѣлу ихъ разсыпаются волнистые волосы русаго цвѣта, идущіе отъ маленькой головы до колѣнъ; у отдѣльныхъ русалокъ эти волосы скорѣе похожи на пряди зеленой тонкой осоки.

Вѣчно веселыя, игривыя хохотуньи, русалки не разстаются со своимъ водовмѣстилищемъ и живутъ здѣсь въ хрустальныхъ домахъ, подъ присмотромъ русальской царицы, обыкновенно поставляемой мѣстнымъ водяникомъ. Въ заурядное время русалки могутъ оставаться внѣ воды столько времени, сколько то потребно для осушенія ихъ тѣла и волосъ отъ мокроты, послѣ чего онѣ могутъ немедленно погибнуть въ мучительной истомѣ. Вслѣдствіе сего русалки лишь изрѣдка, на короткіе сроки, всплываютъ на поверхность воды, присаживаются на подводный камень, на берегъ, чтобы заманить жертву, или стряхнуть тягость воды, обыкновенно удерживаемой пышными ихъ волосами. Кстати: какова тяжесть выдерживаемой русалкою воды, можно отчасти заключить изъ того, что расчесываніемъ своихъ мокрыхъ волосъ въ теченіе, напр., часа она можетъ извлечъ столько воды, что ея достаточно будетъ для затопленія цѣлой деревни. . .

Въ русальную недѣлю (восьмую по Пасхѣ) русалки выпускаются на сушу на болѣе продолжительные сроки, причемъ устраняется помянутая опасность погибнуть на сушѣ. Онѣ безбоязненно и весело размѣщаются на берегу водовмѣстилища, даже уходятъ въ ближайшія рощи, на луга и поля, взбираются на деревья, чтобы покачаться на сучьяхъ и верхушкахъ ихъ. Всѣмъ этимъ русалки освѣжаютъ памятованіе о покинутой землѣ и о людяхъ, между которыми онѣ не преминутъ уловить и жертву. Послѣднее достигается, между прочимъ, такъ: обольстительницы кувыркаются, играютъ, ведутъ бѣговыя игры, хороводы, пляшутъ, хохочутъ, поютъ пѣсни и приманчивыми движеніями зовутъ къ себѣ случайнаго зрителя. Если онъ поддастся зову и подойдетъ къ русалкамъ, или же остановится въ оцѣпенѣніи,

онѣ скопомъ обступаютъ жертву, жмутъ ее въ объятіяхъ, щекочутъ до смерти, причемъ, слыша веселый хохотъ и пѣсни, никто не подаетъ помощи, не рѣшится подозрѣвать опасности тамъ, гдѣ идетъ игривое веселье молодежи. Единственнымъ возможнымъ средствомъ спасенія отъ русалокъ служитъ уколъ хотя бы одной изъ нихъ иголкою или булавкою, которыя необходимо имѣть при себѣ и наготовѣ: тогда весь скопъ русалокъ съ воплемъ кидается въ воду, гдѣ еще долго раздаются голоса ихъ. Однако, и при такой предосторожности, лучше всего избѣгать въ русальную недѣлю при-водныхъ мѣстъ, не купаться, не колотить бѣлья и не ловить рыбы.

Когда жертва заполучена, русалки уносятъ ее въ свое обиталище и здѣсь окружаютъ самыми нѣжными заботами: въ жертвѣ—женщинѣ онѣ видятъ возможную супругу своего властелина—водяника, новую подругу себѣ, а въ мужчинѣ, особенно, когда послѣдній молодъ и красивъ—возможнаго любовника одной изъ нихъ. Разумѣется, больше другихъ ухаживаетъ за погибшимъ та русалка, которой онъ пришелся по нраву. Эта заботливость объ избранникѣ доходитъ до мелочей: русалка чешетъ голову его, третъ тѣло, отгоняетъ водныхъ животныхъ, убираетъ ложе лучшими водорослями, а въ русальную недѣлю выводитъ его вмѣстѣ со своимъ скопомъ на сушу, даже позволяетъ заглянуть въ родственный домъ и на людей, чтобы сколько-нибудь ослабить скорбь по земной жизни. Остальныя жертвы остаются безъ вниманія: русалки позволяютъ ракамъ и насѣкомымъ уродовать ихъ тѣло, а если жертва оказалась почему-либо несимпатичною, онѣ выталкиваютъ трупъ на поверхность воды, къ берегу.

Спасшійся отъ русалокъ, даже видѣвшій, или слышавшій ихъ издали, невсегда остается безнаказаннымъ. Такъ, иной пріобрѣтаетъ привычку безпричинно и неудержимо хохотать, иной кривляется, точно развинченный, во время походки, гримасничаетъ, у иного поражается то или другое чувство, преимущественно—слухъ. Замѣчательно при этомъ, что чѣмъ крѣпче на-

тура жертвы, тѣмъ разительнѣе будутъ полученныя органическія поврежденія, съ которыми человѣкъ не можетъ справиться во всю жизнь.

Кромѣ враждебныхъ нападеній, при которыхъ безпощадно преслѣдуются люди всѣхъ возрастовъ, отъ младенцевъ до стариковъ включительно, извѣстны еще заигрыванья русалокъ, преимущественно тѣхъ, кои при земной жизни не знали людей, какъ, напр., младенцы. Эти заигрыванья, менѣе враждебныя и не столь опасныя, больше всего приходятся на молодыхъ мужчинъ, особенно парней, сношеніе съ которыми не только ново, но и заманчиво для русалокъ. Тутъ русалка подхватываетъ какой-нибудь его предметъ—одежду, обувь, рыболовный снарядъ, и, готовясь затопить его, тѣмъ заставляетъ владѣльца бросаться безъ разбору за поимкою предмета, сама же незримо подталкиваетъ предметъ все дальше и дальше, въ опасное мѣсто, куда, конечно, увлекаетъ и хозяина. Если послѣдній благополучно избѣжалъ опасности и спасъ похищенный русалкою предметъ, этому предмету не сдобровать: онъ обязательно имъ затеряется впослѣдствіи, или будетъ скраденъ, испорченъ. Много приходится терпѣть отъ заигрываній русалокъ молодымъ рыболовамъ: строгивая лесы, снуры, русалки обманываютъ удильщиковъ фальшивымъ клёвомъ; у остальныхъ онѣ выворачиваютъ сѣти, набиваютъ ихъ тиною и травою, вырываютъ весло, шестъ, или качаютъ рыболовное судно, чтобы переворотить его вмѣстѣ съ рыбакомъ.

Какъ ни красна, повидимому, жизнь русалокъ, у нихъ есть много скорби, которой онѣ не могутъ подавить развлеченіями. Такъ, прежде всего, имъ съ завистью приходится смотрѣть на свободу земныхъ подругъ своихъ—женщинъ, такъ же завидливо созерцать материнскія ласки, которыя многимъ были не только незнакомы, но имѣли отрицательный характеръ въ отношеніи ихъ. За тѣмъ, самоубійцамъ приходится томиться изъ-за минутнаго, быть можетъ, необдуманнаго рѣшенія покончить жизнь, чтобы потомъ наложить на себя вѣчную неволю. Но что всего

скорбнѣе, такъ это—подневольная связь съ ненавистнымъ водяникомъ, въ области котораго онѣ живутъ и которому подчинены съ минуты вступленія сюда. Не скорбь только, а наивысшая степень безсильной злобы должна обхватывать существо русалки, когда ей приходится видѣть молодую, счастливую чету, разгуливающую по берегу обиталища русалокъ, или катающуюся въ лодкѣ тамъ же. Зато какой радостный возгласъ раздается иногда здѣсь, при полученіи извѣстія о гибели ненавистнаго водяника! Такой возгласъ, однако есть послѣдній радостный возгласъ, потому что вмѣстѣ съ гибелью водяника начинается и ихъ собственная, если только русалки не успѣли удалиться изъ осушеннаго обиталища и перемѣститься въ новое. Но тутъ легко можетъ случиться, что изъ одной неволи онѣ попадаютъ въ новую, быть можетъ, болѣе тягостную.

Въ рѣдкихъ обиталищахъ болотниковъ, багниковъ и оржавениковъ есть отдѣльныя русалки, которымъ это имя придается развѣ въ насмѣшку и которыя, кромѣ женоподобнаго облика, не имѣютъ ничего общаго съ симпатичными, ласковыми русалками. Эти русалки стары, съ клюками въ рукахъ, отвратительно безобразны и грязны, примѣнительно къ цвѣту обиталища, злы и угрюмы не менѣе своихъ сожителей, съ которыми, однако, онѣ не имѣютъ ровно никакихъ сношеній, а часто и не знаютъ другъ друга.

Г. Демоноподобники.

Всѣ нечистики этой категоріи есть настоящіе люди, воспріявшіе свое бытіе отъ людей же, живущіе людскою жизнію. Но ихъ существо и дѣятельность такъ далеко уклоняются отъ обычныхъ людскихъ, что ихъ скорѣе приходится принимать за воплощенныхъ бѣсовъ, чѣмъ за людей. По мѣрѣ теченія своей полудемонической жизни, демоноподобники измѣняются по возрастнымъ стадіямъ—имѣютъ красную пору жизни, зрѣлость, старѣютъ, дряхлѣютъ и умираютъ, причемъ въ составѣ ихъ почти

равномѣрными дѣятелями бываютъ мужчины и женщины,—чего нѣтъ у остальныхъ нечистиковъ. Подъ конецъ позорной на землѣ жизни демоноподобники пріобрѣтаютъ даже типичныя особенности нечистиковъ: такъ у мужчинъ начинаетъ отростать на головѣ подобіе роговъ, у лицъ обоего пола—короткіе въ подлежащихъ мѣстахъ хвосты, ручные и ножные пальцы утончаются до пальцевъ хищника, изо рта рѣзко выступаютъ два-три удлиняющіеся зуба, тѣло утрачиваетъ мягкія части и покрывается подобіемъ шерсти.

Не пріобрѣтая сатанинства путемъ наслѣдственности, по рожденію, демоноподобники не передаютъ его и преемникамъ: личная воля человѣка и личное исканіе даютъ ему сатанинство, отъ котораго, однако, онъ уже не можетъ отрѣшиться до конца жизни. Такимъ образомъ, приходится видѣть, что дѣти демоноподобника правдивы, честны, безупречны въ религіозномъ смыслѣ, собственно потому, что по наслѣдству не воспріяли преступнаго положенія родителя, а личная воля не позволила имъ идти по преступному пути.

Демоноподобниковъ относительно немного, собственно потому, что рѣдкіе изъ людей рѣшаются принять тягостныя условія сатанинства, всѣ же страшатся скорбнаго конца его, и только наивысшее озлобленіе противъ людей, ненависть къ добру да корыстныя побужденія могутъ призвать къ демоноподобничеству. Какъ появляются и чѣмъ кончаютъ эти нечистики—видно будетъ изъ послѣдующаго.

XXIII. ВѢДЬМАКИ И ВѢДЬМЫ.

Вѣрными служителями бѣсовъ, исполнителями ихъ воли и непоколебимыми врагами людей совершенно справедливо признаются вѣдьмаки и вѣдьмы, у которыхъ удержался одинъ лишь людской обликъ. Но и сей послѣдній жалокъ, каррикатуренъ, какъ жалокъ можетъ быть извращенный видъ человѣка: вѣдьмакъ и вѣдьма обязательно имѣютъ кривизну, тѣлесный порокъ, ввидѣ

неумѣстной бородавки, пучка волосъ, лишняго или недостающаго числа пальцевъ, двойного ряда зубовъ; они сутуловаты; мужчины не имѣютъ растительности на губѣ и подбородкѣ, женщины— имѣютъ усы и бороду; у тѣхъ и другихъ отростаютъ изъ конечнаго позвонка хвосты длиною въ добрую пядь.

Помимо сихъ разительныхъ признаковъ, вѣдьмаки и вѣдьмы узнаются еще и по слѣдующимъ особенностямъ: у нихъ мутный, свирѣпый взглядъ исподлобья, то упорный, сосредоточенный, то блуждающій, какъ у нечистиковъ,—небрежная прическа, или таковой вовсе нѣтъ, морщинистый лобъ, сросшіяся густыя брови, свинцово-сѣрое, неулыбающееся лицо, или же дающее злую до передергиванья улыбку,—медленный, гортанный, иногда и хриплый голосъ, неразговорчивость, или неумолчное бурчанье, говоръ про себя, задумчивость, неосмысленная походка и мн. др. Въ заключеніе вѣдьмаки и вѣдьмы имѣютъ неудержимое притяженіе къ водкѣ и табаку; пьютъ и ѣдятъ наиболѣе вычурное; одѣваются смѣшанно, сочетавая въ уборѣ роскошь и убожество; спятъ и работаютъ въ розничную съ людьми пору; безучастно относятся къ сосѣднимъ радостямъ и горю, не дѣлятся и своими; перестаютъ молиться Богу, ходить въ церковь, отправлять христіанскія требы; избѣгаютъ общественныхъ сборищъ и даже уединяются отъ собственной семьи.

Вѣдьмачество (оно же—вѣдьмарство) достается „самохотью,“ по личной волѣ человѣка; но оно можетъ быть придано и „нахра́тью“—злоумышленно, или же случайно, потому что существуетъ особенная лихая година, въ которую можно вызвать все худое, о чемъ бы не помыслилъ человѣкъ; наконецъ, вѣдьмачество дается и въ связи съ иною профессіей: мельникъ, лѣсникъ, кузнецъ, давній войтъ, коновалъ и другіе легко могутъ становиться вѣдьмаками. Соотвѣтственно сему пріобрѣтается вѣдьмачество и женщинами.

Самохотные вѣдьмаки и вѣдьмы обыкновенно начинаютъ съ того, что носятъ тѣльный крестъ подъ пятою, разстаются съ

иконами и молитвою и начинаютъ брать вѣдьмаческіе уроки у приставленныхъ къ нимъ бѣсовъ. Съ первыхъ же уроковъ они отрекаются отъ всего святого, отъ родителей и родни, обязуясь враждебно относиться ко всему, что не носитъ демонической окраски. Тогда уже доброволецъ вѣдьмачества дѣлается злѣйшимъ губителемъ тѣла и души своей жертвы и съ этой стороны опережаетъ наставниковъ, которые хлопочутъ существеннымъ образомъ лишь о гибели души жертвы. Въ такомъ усердіи вѣдьмаки и вѣдьмы напоминаютъ прозелитовъ, обыкновенно злѣйшихъ противниковъ своихъ недавнихъ единовѣрцевъ.

Истинное положеніе дѣла обязываетъ отмѣтить, что мужчины менѣе воспріимчивы къ вѣдьмачеству, чѣмъ женщины, а потому и вѣдьмаковъ меньше, чѣмъ вѣдьмъ. Дальнѣйшее слово преимущественно о сихъ послѣднихъ.

„Молодая вѣдьма, старая вѣдьма“—слишкомъ обыденныя разграниченія, изъ которыхъ видно, что демоноподобницы имѣютъ возрастныя различія; но дѣятельность той и другой одна и та же, какъ и внѣшніе признаки. На поверхностный взглядъ вѣдьмы не отличаются днемъ отъ обыкновенныхъ женщинъ, тѣмъ болѣе, что въ это время онѣ занимаются людскими дѣлами; зато отъ сумерекъ до сумерекъ, когда проходитъ ихъ чисто демоническая дѣятельность, вѣдьмы тотъ-часъ узнаются по фосфорическому блеску глазъ, причемъ обычное безобразіе лица и предательскія особенности бѣсовства обнаруживаются наиболѣе рѣзко. Укрываясь, по возможности, отъ людей въ теченіе дня, въ указанную пору сутокъ вѣдьмы поневолѣ принуждены еще болѣе укрываться, чтобы не выдавать себя,—что вмѣстѣ съ тѣмъ совпадаетъ и съ ихъ дѣятельностью, общеніемъ съ нечистою силою. Для сего онѣ превращаются въ живые предметы непремѣнно женскаго пола, или же, сохраняя свой обычный обликъ, пользуются подспорными предметами для передвиженія. Такъ многіе видѣли ихъ разъѣзжающими верхомъ на козлѣ, на волкѣ или медвѣдѣ, въ горшкѣ, въ ступѣ, на помелѣ, или метлѣ, на

скамьѣ, простой доскѣ, изгородномъ колу и проч. Какъ бы ни перемѣщалась вѣдьма, при ней неотлучно находится помело, или метла, вѣникъ, чтобы заметать слѣдъ: безъ такой предосторожности вѣдьминъ путь, какъ и мѣсто слѣдованія, могутъ быть открыты людьми; то-же могутъ обнаружить вѣдьмаки и вѣдьмы, какъ извѣстно, всегда враждующіе другъ противъ друга, строющіе всяческія козни противницамъ.

Такимъ именно способомъ вѣдьмы перемѣщаются на бѣсовскія сборища, для обсужденія общихъ дѣлъ и для отправленія шабашей, изъ коихъ главными почитаются: Купальскій (въ ночь 24 іюня) и мясоѣдный—18 января (на 24 день послѣ христіанскаго праздника Р. Х.). Кромѣ циничныхъ дѣяній, на первомъ шабашѣ бываетъ свальное купанье вѣдьмъ и чертей въ молокѣ, которое та и другая вѣдьма успѣли къ этому времени отнять отъ чужихъ коровъ, а на второмъ скопъ нечистиковъ приноситъ дикую жертву—закалывается младенецъ, иногда извлеченный изъ материнской утробы, и, при неистовыхъ крикахъ радости, съѣдается участниками шабаша. Здѣсь же происходитъ посвященіе новичковъ въ тайны вѣдьмачества, снимаются отчеты, дѣлаются расправы съ виновными и ведутся нескончаемые бѣсовскіе танцы, при которыхъ пары пляшутъ, приложивъ спину къ спинѣ. Случается, что иная вѣдьма или вѣдьмакъ больше не возвращается съ шабаша, или возвращается съ какимъ-нибудь органическимъ поврежденіемъ: очевидно, такой демоноподобникъ подвергся бѣсовской расправѣ.

Хотя вѣдьмаки и вѣдьмы слишкомъ близки по физическому и духовному складу, между ними нѣтъ иныхъ отношеній, кромѣ враждебныхъ; зато вѣдьмы неизбѣжно состоятъ въ сожительствѣ съ вольными, повсюдными нечистиками, отъ которыхъ имѣютъ даже дѣтей. Какъ самая связь, такъ и плоды ея носятъ характеръ едва выразимаго цинизма: между прочимъ, вѣдьмы сжираютъ такихъ своихъ дѣтей, угощая поджареннымъ мясомъ ихъ и сожителей.

Вредя обыкновеннымъ людямъ всѣми доступными средствами и съ разныхъ сторонъ, вѣдьмы и вѣдьмаки имѣютъ силу превращать ихъ въ разные предметы. Такъ иной внезапно и неожиданно для себя очутится медвѣдемъ, волкомъ, ястребомъ, другой—вороною, свиньею, кошкою, мышью и проч. По этимъ превращеніямъ можно предугадать, какого пола былъ превращенный и кто—вѣдьмакъ или вѣдьма сдѣлали превращеніе, потому что первый не можетъ, напр., превратить женщины, а мужчины превращаются рѣдко въ предметы женскаго рода.

Приданный вѣдьмою или вѣдьмакомъ видъ сохраняется относительно недолго—одну ночь, рѣдко—цѣлыя сутки. Но и этого краткаго срока достаточно, чтобы оставить на человѣкѣ неизгладимый слѣдъ: многіе усвояютъ не только привычки, но и голосъ того животнаго, въ которое были превращены. Когда по вѣдьмаческимъ цѣлямъ превращеніе выдержало животное, оно еще разительнѣе воспринимаетъ особенности: такъ, напр., курица начинаетъ плескаться въ водѣ и крякать по-утиному, если она была превращена въ утку. Изъ всѣхъ живыхъ существъ только одни кузнецы не боятся вѣдьмъ и вѣдьмаковъ, и не могутъ быть превращены ни въ одинъ предметъ.

Во всѣ времена люди много терпѣли отъ сихъ демоноподобниковъ и изыскивали средства предупредить ихъ злодѣянія, разрушить козни, а главное—наказать и уничтожить своихъ враговъ. Вѣковой опытъ и усилія не пропали даромъ. Такъ узнано, что вѣдьма не испытываетъ боли, когда ее бьютъ по тѣлу, но что она чувствуетъ удесятеренную боль, когда бьютъ по тѣни той же вѣдьмы: эта тѣнь есть прихвостень вѣдьмы—одинъ изъ чертей, который и передаетъ удары вѣдьмѣ; нужно только бить не ладонью, а верхнею стороною кисти. Особенно страшными бываютъ удары по тѣни освященными предметами: тутъ можно даже извести вѣдьму. Того же обыкновенно достигаютъ люди, проткнувъ тѣнь вѣдьмы гвоздемъ и другимъ заостреннымъ предметомъ изъ церковнаго или капличнаго зданія; а если вѣдьма

или вѣдьмакъ не перестаютъ выходить изъ могилъ послѣ смерти, тотъ же заостренный предметъ нужно воткнуть въ могильный холмъ, чтобы окончательно пригвоздить человѣконенавистника. Не менѣе надежно въ семъ случаѣ и другое средство: нужно откопать могилу демоноподобника и осиновымъ коломъ пробить трупъ его.

Такъ-какъ въ сельско-хозяйственномъ быту весьма много приходится терпѣть отъ молочныхъ вѣдьмъ, то для узнанія, поимки и наказанія такихъ вѣдьмъ найдено достаточно средствъ, изъ числа которыхъ наиболѣе извѣстны слѣдующія. Заговляя сыромъ въ масляное заговѣнье, кусочекъ его нужно удержать во рту на ночь; утромъ въ „шильный“ понедѣльникъ высушить и тутъ же зашить въ одежду, которую слѣдуетъ безсмѣнно носить въ теченіе всего поста и въ это время вести себя такъ, какъ и при ношеніи „пѣтушинаго яйца“, т. е. не ходить въ баню, не умываться, ни съ кѣмъ не разговаривать, даже избѣгать привѣтствій. Съ кусочкомъ сыра въ рукѣ нужно придти къ пасхальной заутренѣ и, остановившись у порога церкви, поднимать сыръ вверхъ при произношеніи словъ „Христосъ воскресе“; тогда, вмѣсто платковъ, на головахъ вѣдьмъ будутъ видны дойки,— что и выдаетъ молочныхъ вѣдьмъ цѣлаго прихода. Вмѣсто сего тогда же нужно смотрѣть на женщинъ чрезъ дырочку лучиннаго огарка, откуда самъ собою выпалъ сучокъ во время масляничнаго заговѣнья.

Зная наличныхъ вѣдьмъ своей окружицы, нетрудно уже располагать мѣрами поимки, наказанія и даже гибели ихъ. Такъ, если вѣдьма присѣла на цѣдилку ввидѣ мухи, разумѣется, съ тѣмъ, чтобы произвести молочную порчу, такую муху нужно немедленно завертѣть въ цѣдилку и эту послѣднюю привѣсить надъ „сопухой“, или варить въ кипяткѣ: вѣдьма не можетъ снова превратиться и будетъ испытывать муки, пока цѣдилка останется въ дыму, или въ кипяткѣ, и совершенно погибаетъ, когда дымъ былъ отъ ладана, а вода—съ примѣсью освященной.

Если же молочная вѣдьма, принявшая видъ земляной (корявой) лягушки, очутилась въ коровьемъ хлѣву, а тѣмъ паче—пристала къ вымени, отъ котораго она не можетъ произвольно отстать, пока не закончится вѣдьмаческая порча, съ такою вѣдьмою можно сдѣлать приблизительно слѣдующее: отрѣзать пальцы, выколоть глаза, проткнуть тѣло иголками, булавками. Всѣ поврежденія останутся у вѣдьмы навсегда и послѣ превращенія, причемъ физическія муки отъ уколовъ и порѣзовъ растянутся на долгіе годы.

Чтобы отогнать молочныхъ вѣдьмъ и причинить имъ страданія, въ Купальскій день и ночь нужно заложить щели хлѣва „жиглйвкою“, чертополохомъ, терновникомъ, стеблями крыжовника; а надъ дверями привѣсить фителями внизъ громничныя (Срѣтенскія) свѣчи: попробуетъ вѣдьма съ размаху влетѣть въ хлѣвъ—она обязательно порветъ себѣ кожу, уколется о колючки, обожжется крапивою и, въ особенности—громничною свѣчою. Послѣ всѣхъ такихъ мѣръ часто происходитъ или продолжительная болѣзнь завѣдомой вѣдьмы, или у нея появляется новый органическій недостатокъ, или же она нивѣсть куда пропадаетъ.

XXIV. КОЛДУНЫ и КОЛДУНЬИ.

Эти демоноподобники стоятъ значительно дальше отъ чистыхъ бѣсовъ и—гораздо ближе къ людямъ, съ которыми ведутъ даже и житейскія сношенія. Кромѣ того они ходятъ въ церковь, исполняютъ требы и окружаютъ себя предметами христіанскаго почитанія. Хотя все это дѣлается для отвода людскихъ глазъ и хотя колдуны и колдуньи достаточно закрѣпощены въ бѣсовство, властелины и распорядители ихъ дѣятельности, настоящіе черти, не полагаются на нихъ такъ, какъ на вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, опасаются двоедушія ихъ и сравнительно больше довѣряютъ только тѣмъ осо́бямъ, у которыхъ появились типичныя особенности бѣсовства—зачатки роговъ, хвоста, клыковъ, фосфорическое свѣченіе глазъ, исчезновеніе мясистыхъ частей. Но и при семъ условіи колдуны и колдуньи лишены возможности лично и по

произволу чинить бѣсовскія дѣла, для чего каждый разъ обязаны обращаться къ содѣйствію настоящихъ бѣсовъ, указывать причины и цѣль предстоящихъ дѣяній, причемъ случается, что бѣсъ принужденъ бываетъ служить, помимо воли, положительнымъ надобностямъ человѣка. Такъ, колдунъ или колдунья лѣчитъ травами, заговорами, производитъ чары, коими поправляетъ падающее благосостояніе сторонняго человѣка, помогаетъ привораживать любимое лицо, указываетъ воспособляющія средства при охотѣ, на промыслахъ и проч. Разумѣется, все это дѣлаютъ настоящіе бѣсы за цѣну проданной имъ души колдуна или колдуньи.

Особенностью сношеній бѣсовъ съ сими демоноподобниками приходится считать то, что они не появляются въ своемъ чистомъ видѣ, а лишь въ видѣ миніатюрныхъ человѣчковъ, вслѣдствіе чего колдуны и колдуньи не имѣютъ о бѣсахъ тѣхъ свѣдѣній, какія, напр., даются вѣдьмакамъ и вѣдьмамъ. Они узнаютъ своихъ сотрудниковъ въ подлинномъ видѣ только при концѣ постыдной жизни и за предѣлами смерти. Но колдунамъ не суждено узнавать и другъ друга, по крайней мѣрѣ, при первыхъ встрѣчахъ,—что слишкомъ непохоже на вѣдьмаковъ и вѣдьмъ, обыкновенно узнающихъ одинъ другого при первомъ взглядѣ. Послѣдствіемъ сего бываютъ частныя столкновенія колдуновъ и колдуній, пока враждебными дѣйствіями не опредѣлятся личности враговъ; руководители же бѣсы одинаково служатъ тому и другому и остановятся развѣ тогда, когда цѣлямъ бѣсовства приносится ущербъ. Въ общемъ пониманіи людей, какъ и самихъ колдуновъ, это значитъ, что „нашла коса на камень“, или что слабѣйшій сдался сильнѣйшему. Причинить существенный убытокъ, а тѣмъ болѣе—извести другъ друга колдуны не могутъ: кончина ихъ приходитъ естественнымъ путемъ, если только колдунъ или колдунья не подверглись насильственной смерти, или не покончили самоубійствомъ. Естественная кончина ихъ заслуживаетъ вниманія.

Когда колдунъ или колдунья дожили до предѣльнаго земного бытія, ослабѣли умственно и тѣлесно и не могутъ дольше

вести бѣсовскихъ дѣлъ, бѣсы перестаютъ давать свою обычную помощь и остаются при нихъ только на стражѣ души ихъ и ради выполненія существеннаго условія колдовства—передать послѣднее кому-либо изъ близкихъ къ колдуну лицъ. Чѣмъ скорѣе сдѣлано это, тѣмъ скорѣе наступитъ и кончина колдуна, хотя предсмертныя муки ихъ и въ семъ случаѣ бываютъ выше обыкновенныхъ людскихъ. Но передать колдовство нелегко, тѣмъ болѣе, что, видя зазорную жизнь близкаго лица и зная источникъ ея, даже родныя дѣти уклоняются отъ родительскаго предложенія.

Лишеніе бѣсовской помощи, физическія терзанія бѣсовъ, при неустанномъ проминѣ о передачѣ колдовства, и угрызенія совѣсти за злодѣянія цѣлой жизни уже сразу ставятъ болѣзнь колдуна невыразимо тяжкою. Но, по мѣрѣ того, какъ длится болѣзнь, растетъ и тягость мукъ: больной мечется, старается уйти отъ страшныхъ óбразовъ, неестественно стонетъ и реветъ, проситъ доканать его; для утоленія, напр. нестерпимой жажды хватаетъ и несетъ въ ротъ горящую лучину, тогда-какъ при очевидномъ холодѣ молитъ о подачѣ льда, воды изъ проруби. Что же касается предсмертныхъ, по большей части, дикихъ рѣчей колдуна, то онѣ полны проклятій, грубой брани и цинизма.

По чувству человѣчности, окружающіе стараются оказать возможную помощь умирающему: помѣщаютъ его на срединѣ избяного пола, а на грудь кладутъ веревку, протягиваемую на дворъ чрезъ отворенную дверь, чтобы душѣ удобно было выйти изъ тѣла; открываютъ дымовыя отдушины, просверливаютъ въ стѣнахъ и потолкѣ дырья, чтобы туда прошла несомая чертями душа колдуна, если только двери и окна назнаменованы мѣловыми крестами; ввиду же того, что душа колдуна рогата, и ей трудно выходить изъ тѣла, на печь привѣшиваютъ хомутъ со шлеями, чтобы черти могли запрячься и общими усиліями извлечь „рогатую душу“. Разумѣется, послѣднее причиняетъ умирающему столь сильныя муки, что для передачи повѣсти о нихъ на человѣческомъ языкѣ нѣтъ и словъ.

По извлеченіи души изъ тѣла, бѣсы скопомъ входятъ внутрь его, чтобы осквернить недавнее обиталище своей жертвы, иногда же—для того, чтобы подхватить тѣло и унести его на бѣсовскій пиръ. Послѣднее, впрочемъ, не удается, потому что окружающіе посыпаютъ тѣло освященнымъ макомъ, или солью. Тогда бѣсовскій скопъ стайно носится надъ домомъ умершаго ввидѣ воронъ, и стайно же улетаетъ вдаль, унося душу колдуна, послѣ чего слѣдуетъ буря и ненастье впродолженіе нѣсколькихъ дней сряду. Люди стараются предупредить стихійныя нестроенія; въ могилу погребаемаго колдуна они кладутъ нарочито приготовленный крестъ, вытесанный изъ молодого (въ ростъ человѣка) дерева, подъ гробъ колдуна.

Если колдуну, или колдуньѣ приходится кончать свою жизнь такъ жестоко, зато предшествующая ихъ жизнь можетъ почесться красною, завидливою,—что, кромѣ озлобленія на людей и мести имъ, всегда манитъ къ колдовству. Безъ колдуна не обходится выдающееся семейное праздненство, гдѣ ему предоставляется почетное мѣсто и уходъ, къ нему обращаются за совѣтами и помощью при людскихъ и скотскихъ болѣзняхъ, просятъ разрушить чары и заклинанія, причиненныя ненавистникомъ, просятъ помощи для наказанія врага. За всѣ труды колдунъ получаетъ безотговорное вознагражденіе —деньгами, хлѣбомъ, скотомъ, одеждою, скопляетъ весьма часто значительное состояніе.

Сила колдовства велика. Такъ, лишь словомъ заклинанія колдунъ можетъ навести заочную кару не на отдѣльное только лицо, а на семью, цѣлую деревню, погубить доброе предпріятіе; още сильнѣе дѣйствіе заклинанія надъ питейными и съѣстными предметами, лишь бы они были потреблены жертвою; съ лѣкарственными же снадобьями колдуна не справиться и медицинской наукѣ. Колдуны обыкновенно не выдаютъ тайнъ своего лѣченія, и, если не передали близкому лицу колдовства, уносятъ эти тайны въ могилу. Однако, наблюдая исподтишка, люди узнали, какіе камни и земли варятъ колдуны, чье сердце и другія внут-

ренности добываютъ они для порошковъ, изъ какихъ травъ и кореньевъ они дѣлаютъ настой для внутренняго и наружнаго употребленія, чѣмъ, наконецъ, поятъ и кормятъ себя, когда хотятъ призвать черта для содѣйствія. Между прочимъ, колдуны натираются мазью изъ состава слѣдующихъ предметовъ, кстати—весьма наркотическихъ: а) аконитъ или борецъ, б) черемица (белладона), в) бѣлена, г) красавица, д) багунъ, е) вѣдьмина трава и другіе. Когда они хотятъ околдовать стороннее лицо, то даютъ эту мазь и ему: человѣкъ начинаетъ быстро перемѣщаться на разныхъ предметахъ—на палкѣ, на бревнѣ, на кочергѣ или ухватѣ, летаетъ по воздуху, танцуетъ, веселится въ обществѣ молодежи, и тутъ же принимаетъ участіе, или созерцаетъ возмутительныя бѣсовскія дѣянія, коими пародируются религіозныя, и вообще всѣ дѣянія земножителей. Придя въ обычное положеніе, такой человѣкъ испытываетъ органическое изнеможеніе и упреки совѣсти за видѣнное и учиненное имъ во время зачарованія, и это состояніе измѣняется чрезъ долгіе сроки, послѣ очищенія обѣтными подвигами. Отдѣльныя лица, однако, на всю жизнь остаются то съ органическими, то съ душевными ограниченіями: получаютъ трясучесть тѣла, сведеніе рукъ, ногъ, кривизну лица, глухоту, или теряютъ память, пріобрѣтаютъ разсѣянность и проч. Во всякомъ случаѣ замѣчено, что побывавшій въ переворотняхъ по собственной волѣ, но подъ воздѣйствіемъ колдуна, или колдуньи, станетъ избѣгать вторичнаго превращенія; подневольный же переворотень не выдерживаетъ вторичнаго превращенія.

XXV. ОБОРОТНИ.

Подъ воздѣйствіемъ нечистой силы, какъ непосредственнымъ, такъ и чрезъ демоноподобниковъ, человѣкъ можетъ быть обращенъ въ различные предметы—одушевленные и неодушевленные. Если это произошло отъ сторонняго наведенія, получается переворотень, отъ личнаго, по собственному произволу—оборотень.

Въ послѣднемъ смыслѣ оборотнями могутъ быть почти всѣ нечистики и, преимущественно—вѣдьмаки, вѣдьмы, колдуны и колдуньи, какъ имѣющіе частую нужду укрывать свой человѣческій видъ. Такъ, замѣчается иногда, что видимый издали человѣкъ вдругъ побѣжалъ волкомъ, зайцемъ, покатился камнемъ, остановился пнемъ: ясно, что это одинъ изъ демоноподобниковъ обратился въ новый предметъ, чтобы привлечь на себя вниманіе. Нѣтъ такой надобности, или не дается она—демоноподобникъ становится оборотнемъ, чтобы просто поглумиться надъ людьми, фальшивою примѣтою ввести въ обманъ, и чаще всего это продѣлываютъ вѣдьмы да колдуньи. Всѣмъ жильцамъ даннаго дома видно, напр., какъ сорока безстрашно припала къ окну снаружи дома, или на ворота, на стрѣху, слышно, что она стрекочетъ о какихъ-то наиблагопріятнѣйшихъ вѣстяхъ; но пусть только кто-нибудь довѣрится этому стрекотанью и станетъ ожидать благихъ исполненій—случится наоборотъ: тутъ стрекоталъ оборотень—вѣдьма или колдунья.

Бѣсовскія надобности создаютъ отдѣльныхъ оборотней, которые ради корыстныхъ или вредоносныхъ цѣлей изъ обыкновенныхъ мирныхъ людей преобразуются въ разные предметы, и демоническую дѣятельность проявляютъ только въ такомъ именно перерожденіи. Посему оборотня гораздо труднѣе узнать, чѣмъ вѣдьмакующаго, или колдующаго: его выдаетъ развѣ усталый видъ да ироническая улыбка, полунамеки, свидѣтельствующіе о томъ, что онъ что-то такое знаетъ, что-то такое сдѣлалъ своему собесѣднику, или обоимъ имъ извѣстному лицу.

Подобно вѣдьмакамъ и колдунамъ, оборотни пріобрѣтаютъ свой даръ путемъ предварительнаго уговора съ нечистою силою; однако, многіе оборотни владѣютъ и средствами вполнѣ естественными, достигаютъ умѣнья обращаться въ иные предметы помимо нечистой силы—личною практикою, наставленіемъ опытныхъ оборотней. Вслѣдствіе сего, за малыми исключеніями, оборотни не имѣютъ такого лютаго конца жизни, какой неизбѣженъ

для колдуновъ, и, если грѣховная душа ихъ не избѣгаетъ заслуженной кары, такъ въ данномъ случаѣ она несетъ наказанie обычныхъ грѣшниковъ.

Оборотни заботливо охраняютъ тайны своего перераживанья и выдаютъ ихъ развѣ при концѣ жизни самымъ близкимъ лицамъ. Это обстоятельство, какъ и неохотное содѣйствie нечистиковъ, недовѣрчиво относящихся къ оборотнямъ, дѣлаетъ ихъ относительно рѣдкими демоноподобниками. Кромѣ того и практическая польза отъ перераживанья въ оборотней не окупаетъ риска,—какъ это извѣстно изъ исторiи оборотней.

Чтобы оборотиться въ произвольное животное, человѣкъ втыкаетъ въ уединенномъ мѣстѣ лѣса, отдаленной пустоши, двѣнадцать одинаковыхъ ножей въ землю, остріемъ вверхъ, и троекратно кувыркается чрезъ нихъ, стараясь не стронуть ножей съ мѣста. За первымъ кувыркомъ человѣкъ теряетъ подробныя очертанiя своего лица; за вторымъ—остается безформеннымъ живымъ существомъ, а за третьимъ прiобрѣтаетъ полный видъ животнаго, въ которое желательно оборотиться. Когда наступитъ время переоборотиться, оборотень вновь кувыркается троекратно чрезъ тѣ же ножи, но съ обратной стороны, причемъ измѣненie существа его слѣдуетъ въ обратномъ же порядкѣ.

Для обращенiя въ волка, лисицу, хорька, или ласку достаточно семи ножей, чрезъ которые совершается то же троекратное кувырканье. Но чтобы оборотиться въ мелкую птичку, въ пресмыкающееся, или насѣкомое, можно обойтись и безъ ножей, единственно при помощи осиноваго пня, на которомъ, при рубкѣ дерева, не положено крестнаго знаменiя: человѣкъ хватается зубами за верхнiй край пня и стремительно кувыркается чрезъ него—по другую сторону онъ сразу становится желаннымъ животнымъ. Обратнымъ кувыркомъ оборотень снова преобразуется въ человѣка.

Если самъ оборотень стронулъ съ мѣста одинъ изъ предметовъ, чрезъ которые кувыркался, или это сдѣлалъ сторонній,

а тѣмъ паче унесъ предметы, оборотень навсегда остается въ принятомъ видѣ, развѣ его выручитъ посвященный въ тайный подобнаго переражиканья близкій человѣкъ. Бывали случаи, когда злополучный оборотень падалъ отъ пули, попадалъ въ капканъ, силокъ, въ охотничьи сѣти: снимая шкуру съ убитаго оборотня, находили подъ нею истлѣвшую одежду, ожерелье, серьги, кольца, а во всемъ тѣлѣ его—человѣкоподобную форму. Зная все это, оборотни прибѣгаютъ къ опасному риску въ крайнихъ случаяхъ, при соблюденіи самыхъ строгихъ предосторожностей. Чаще всего они обращаются въ продажное животное—лошадь, корову, овцу, свинью, гуся, курицу: по предварительному уговору съ близкимъ лицомъ, оборотень продается на базарѣ за настоящее животное, которое вскорѣ уходитъ отъ своего хозяина; проданное вторично, въ другія руки, животное снова уходитъ, или оборотившись въ новое животное, проходитъ вторичную продажу въ нѣсколько рукъ. Изъ предметовъ неодушевленныхъ оборотни дѣлаются „поворотными рублями“—и въ такомъ состояніи продѣлывается то же, что и въ состояніи животнаго. Но послѣднее обращеніе еще опаснѣе потому, что иногда такой рубль можетъ подвергнуться изгибу, перелому, когда дѣло идетъ на пари, или можетъ быть расплавленъ на издѣліе: оборотень увѣчится, или погибаетъ окончательно.

Напрасно увѣряютъ, будто перераживанье оборотней проходитъ безнаказаннымъ для нихъ самихъ; напротивъ, извѣстно, что за каждымъ такимъ дѣяніемъ жизнь ихъ сокращается на нѣсколько дней, примѣнительно къ лѣтамъ животнаго, или цѣнности „поворотнаго рубля“. Вслѣдствіе сего, подъ старость, оборотни отстаютъ отъ своей демонической дѣятельности, тѣмъ или другимъ средствомъ искупаютъ пороки жизни, которую и кончаютъ обыкновенными добродѣтельными людьми.

2007097126